

[Polaris]

Ганс Гейнц Эверс

ОХОТНИКИ
НА ДЬЯВОЛА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LV

Salamandra P.V.V.

Ганс Гейнц Эверс

ОХОТНИКИ НА ДЬЯВОЛА

Иллюстрации
Мэлона Блейна

Salamandra P.V.V.

Эверс Г. Г.

Охотники на дьявола. Илл. М. Блейна. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 105 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LV).

Молодой писатель-декадент, ученый и странствующий философ Франк Браун оказывается в затерянной в горах деревне, где его психологические и гипнотические эксперименты приводят к взрыву фанатизма. События неудержимо летят к кровавому финалу... В своем первом романе, который Г. Лавкрафт считал «классикой жанра» ужасов, Ганс Эверс создал впечатляющую картину религиозной мании и благочестия, становящегося истинным сатанизмом.

ОХОТНИКИ

НА ДЪЯВОЛА

ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

— Итак, я буду очень рад видеть вас у себя сегодня к ужину! — сказал Франк Браун старому священнику.

Дон Винченцо протянул ему руку.

— Если позволите. До вечера!

Франк Браун медленно направился к гостинице, стоявшей на самом берегу озера. Там он выбрал комнату, умылся, написал несколько писем и вышел прогуляться. Когда он вернулся, колокол уж звал к столу. Но он сначала поднялся к себе, тщательно выбрился, переоделся и спустился вниз, когда уже подавали третье блюдо.

Священник уже ждал его за небольшим столом у окна.

— Простите, я заставил вас ждать — эта одна из моих скверных привычек. — Он взял карту вин и предложил гостю выбрать марку.

— Удивительно! Вы выбрали как раз мое любимое вино!

Несмотря на это, Франк Браун не выпил и полустакана, а ел и того хуже; зато он все время следил, чтоб тарелка соседа не была пустой. Когда подали десерт, Браун очистил яблоко для старика, отрезал ломтик для себя и посолил его.

Священник покачал головой:

— Вы едите яблоко с солью?

— Разумеется. Только тогда чувствуешь настоящий аромат яблока.

Священник тоже посолил свое.

— Да, вы правы. Всегда надо уметь подойти к сущности вещей.

— Конечно, дон Винченцо. Это — самое главное.

— Позвольте, почему это — самое главное?..

— Я имею в виду, что диагноз должен всегда быть на первом плане. Например, если мы хотим сделать яблоко...

— Сделать — яблоко? Но мы не желаем делать яблоки!

— Почему — мы не желаем? Напротив, мы все хотим делать!

Оставим яблоки, возьмем что-нибудь другое, например, холеру. Для того, чтобы бороться с нею, необходимо изучить жизнь бацилл. Не так ли?

— Совершенно верно. Но яблоки вы ведь хотите *сделать*, а холеру, наоборот, хотите уничтожить. С нею нужно бороться, а не создавать ее.

Франк Браун улыбнулся.

— Почему — нет? Ведь каждый год изобретают все новые и новые средства, чтобы возможно скорее и наиболее верным способом истребить как можно больше людей. Почему же не пустить во вражеский лагерь, вместо лиддита и мелинита, какую-нибудь страшную чуму, которая действует вернее всех смертоносных орудий?

Священник перекрестился.

— Пречистая Дева! Помилуй нас!

— Я тоже надеюсь, что этого никогда не будет. Война вообще глупая вещь! — заметил Франк Браун.

Дон Винченцо пристально посмотрел на своего собеседника. Где он видел это продолговатое, загорелое лицо, эти глаза, то голубые, то серые, то вдруг зеленые? Ему казалось, что он уже раньше знал этот высокий, слегка выпуклый лоб с прямой прядью пепельных волос, и эти губы, слегка опущенные вниз, и полуоткрытый рот, показывающий белые зубы с кусочками золота между ними...

— Нет, нет, ваше преподобие! Вы не знали прежде меня. Сегодня утром мы впервые встретились с вами на пароходе.

— Что это значит? Вы читаете в мыслях?

— Разве это так трудно? Почти все люди похожи на открытую книгу. Особенно священники.

— К счастью, не все люди умеют читать.

— Да, дон Винченцо, есть много безграмотных. Мы вернулись опять к тому же вопросу. Самое важное — уметь читать. Эти значит, — видеть, познавать. И потом нужно уметь писать, т. е. творить...

— Доктор, вы католик?

Вопрос был поставлен неожиданно, но Франк Браун не смутился.

— Пока нет, — ответил он спокойно, — но, — кто знает? — быть может, я стану таковым когда-нибудь. Надеюсь, однако, мы не будем теперь заниматься религиозным спором. Сегодня утром я просил вас указать мне тихий, укромный уголок, где я мог бы спокойно прожить пару месяцев. Вы указали мне Валь-ди-Скодра. Почему вы сами не хотите навестить эту заброшенную деревушку?

— Не хочу! Скажите лучше: не могу. Я получил сегодня письмо, в котором мне сообщают, что в Валь-ди-Скодра теперь не вполне тихо и не совсем спокойно: местные жители устраивают сектантские собрания.

— Кто же руководит ими?

— Во главе их стоит Пьетро Носклер, или мистер Питер, как он величает себя, или «Американец», как его называют крестьяне.

— Но кто такой этот мистер Питер?

— Это — бывший эмигрант. Лет тридцать тому назад, шестнадцатилетним юношей, он поехал искать счастья в Америке. Сначала он жил в Нью-Йорке, затем — в Чикаго и, наконец, попал куда-то в Пенсильванию. Всюду ему не везло, и он с трудом перебивался с женой. К счастью, детей они не имели. Здесь, в Пенсильвании, он примкнул к какой-то религиозной мистической секте из чисто материальных соображений: за ним начали ухаживать, заботы о пропита-

нии отпали от него, и мало-помалу из ничтожного лапотника он превратился в настоящего сапожника, потом обзавелся даже собственным магазином. В этот момент ему свалилось счастье: для сооружения нового храма община устроила лотерею, и главный выигрыш — двадцать тысяч долларов — достался ему. Это дало ему возможность осуществить свою заветную мечту — вернуться на родину. Здесь он купил дом, открыл обувную лавку, — деньги он вложил, по моему совету, в государственные бумаги — и живет около трех лет. Однако, хозяйство отнимает у него слишком мало времени и, от нечего делать, он начал устраивать у себя религиозные собрания, на которых проповедует покаяние в грехах.

В такой заброшенной деревушке все мрут со скуки; эти собрания с пением и молитвами — единственное развлечение после работ; поэтому понятно, что количество слушателей Американца до того разрослось, что ему пришлось выстроить специальный сарай для собраний: у него дома они уже не помещались.

— Но не противоречит ли его учение вашему, дон Винченцо?

— И да, и нет. Он говорит, например: исповедь нужна; но мало поверять свои грехи с глазу на глаз священнику: нужно иметь мужество заявлять о них открыто на собраниях. Только таким путем можно изгнать злого духа, который бродит по всей земле.

— И вы спокойно смотрите, как ваша паства идет к нему?

— Да. Это — тактика, которой вот уже двенадцать лет придерживается наш епископ. Он — очень умный человек и, поверьте, это самая удачная тактика.

— Однако, мне кажется, сидеть сложа руки, как вы, и смотреть, как движение принимает все большие и большие размеры, — совсем не в духе церкви!

— Вы не знаете наших гор, милый доктор. Иначе вы не говорили бы так. Видите ли, там, в глубоких долинах, окруженных горами, которые уходят высоко за облака, рождаются и живут люди, как в вечной темнице. Их мир бес-

конечно мал. Никогда они не видят широкого горизонта, никогда их взор не выходит за пределы их глубокой и тесной дыры. Каждый из них страдает уродством: одни — духовным, другие — телесным. Как слепые, они ощупью бродят, и так забыли жить, что не могут вспомнить, даже выйдя на широкий простор.

Тридцать лет, например, прожил Пьетро Носклер в Америке, а знает о ней столько же, что вот эта бутылка! Горы словно сжали, сдавили дух своих обитателей. Они все — христиане, благочестивее которых нет во всем мире; они любят Богоматерь и Христа. Но нас, священников, ужас охватывает порой, когда мы видим, как они веруют. Наш епископ однажды сказал очень метко: «Наши горы имеют больше богов, чем Рим и Эллада и вся Азия». Почти не проходит года, чтоб в какой-нибудь деревушке не возникла новая мистическая секта. Таким образом, вы видите, то, что творится сейчас в Валь-ди-Скодра, не ново для нас; немного новы лишь американские идеи.

— И вы считаете, что своим... ничегонеделанием боретесь с этими явлениями?

— Да. Не нужно вмешиваться! Именно таким образом мы достигаем блестящих результатов. Мы оставляем их в покое — и через короткое время угар проходит, и они снова стремятся в старую церковь, как ни в чем не бывало. Никто из них не знает, что он хочет; у них нет никакой руководящей идеи; поэтому их увлечения так безопасны; это своего рода болезнь гор, — наш епископ называет ее долинной лихорадкой.

— А знает епископ о происходящем в Валь-ди-Скодра?

— Разумеется. Я докладывал ему об этом, когда мне показалось, что движение принимает слишком серьезные размеры. Но он рассмеялся и сказал, что новая пенсильванская мода внесет хоть некоторое разнообразие, и настойчиво рекомендовал мне не вмешиваться, ибо, по его мнению, всякое давление может привести лишь к сопротивлению.

Я не был там уже четыре месяца. Последний раз я служил там обедню лишь для одного человека: все бегут теперь к Американцу.

Они собираются у него четыре раза в неделю и поднимают невообразимый шум своим пением и оглушительной музыкой. Однако, вас они беспокоить не будут: их сарай построен как раз на противоположном конце деревни.

Франк Браун улыбнулся.

— В таком случае, я отправляюсь туда завтра же утром. По-видимому, этот Американец — человек, которого можно использовать.

— Использовать?.. Как так?

— Разве я могу заранее знать? Все зависит от момента. В этих обитателях горных долин заложена таинственная, мистическая сила, и никакую силу нельзя оставлять неиспользованной.

— Эта сила — явление болезненное; и чем скорее она сгинет — тем лучше.

— Нет, вы не правы, старик, — сказал Франк вполголоса. — Ничто не должно погибнуть, не вкусив вполне жизни.

— Но злое...

— Даже злое! Оно имеет право на жизнь, как и все остальное. Отвратительно лишь то, что ничтожно! Все же сильное — красиво!

— Американец мало поймет из того, что вы только что говорили.

— Ему не нужно понимать, — ответил Франк Браун. — Его дело — созидать! Ах, если бы он мог сделать из этих жителей гор одну сплошную, цельную массу! Зверя, мощного зверя я буду иметь тогда, дон Винченцо, а тогда уж, — поверьте мне, — я сумею научить его кусаться!

— Вы мне разрешите, доктор, задать вам один вопрос?

— Разумеется.

— Гм... кто вы?

Доктор встал. Все лицо его светилось ясной, почти детской улыбкой.

— Кто я? Простой смертный. Зовут меня Франк Браун;
я умею читать и писать.

Франку Брауну пришлось ждать несколько дней почты в Валь-ди-Скодра.

Всю дорогу он ехал молча, не отвечая на замечания соседей, не обращая внимания на красивый пейзаж.

В деревне его поразила царившая там тишина и безлюдье. Она словно вымерла. Только с восточной стороны до него доносился неясный шум; он различил в нем человеческие голоса, затем протяжные звуки гармоники и, наконец, отрывистый бой барабана и звон треугольника. «Американец устроил концерт, — подумал Франк, — и вся деревня теперь у него».

Ему пришлось обойти все селение, прежде чем он увидел живое существо. Это был седобородый мужчина, сидевший на скамье перед домом, по-видимому, гостиницы.

— Добрый вечер! Вы — Пеппино Раймонди? Меня к вам направил дон Винченцо. У вас найдутся для меня две комнаты?

Хозяин повел его наверх, показал свободные комнаты рядом с комнатой дочери и предложить выбрать мебель по своему желанно.

Франк Браун выбрал комнаты с видом на озеро, помог хозяину перетащить нужную мебель, разобрал свои вещи,

умылся и спустился в ресторан. Там сидели хозяин и пограничный жандарм Дренкер.

В комнате было довольно темно. Вдруг из двери напротив вырвался сноп света, и явилась молодая девушка с двумя большими свечами.

— Это ваша дочь? — спросил Франк хозяина.

— Да, это Тереза, дочка. Славная девка! Подойди сюда, Тереза.

Но девушка отвернулась и вышла так же молча, как и вошла.

— Подай ужин! — крикнул ей вслед отец. — Гости, вероятно, уж проголодались.

Через минуту она снова вошла, накрыла скатертью стол, поставила приборы и подала ужин.

Франк Браун поздоровался с нею, но она едва поклонилась в ответ. Она не села с ними за стол, а устроилась на скамье у окна и достала шитье.

Франк начал внимательно разглядывать ее. Это была высокая, стройная девушка, лет двадцати, с черными, как у отца, волосами и с огромными синими глазами: ее мать была немка.

Франк попросил у девушки хлеба, она поставила его на стол, но ни слова не ответила на его вопросы, — только недоверчиво взглянула на него и снова села на прежнее место.

Продолжая пить, есть и болтать, Франк не переставал наблюдать за девушкой. Он заметил, как она, время от времени, кидала на него украдкой быстрый, вопросительный взгляд, потом вынимала из кармана письмо, читала его и снова взглядывала на Франка.

«Так вот что, дитя мое: ты получила сегодня письмо и, по-видимому, от дона Винченцо, твоего исповедника? Он предостерегает тебя против меня? Вот почему ты так подозрительна! — подумал Франк Браун. — Старик, старик, как ты еще глуп! Я никогда бы не коснулся твоей духовной дочери. Но теперь... зачем ты меня раздражил? Ты так стар уж, священник, и до сих пор не знаешь, что соблазнительно всегда лишь запретное...»

Франк снова посмотрел на девушку. У был прямой, красивый нос и не очень высокий лоб; густые черные брови лежали дугой над темно-синими глазами, на которые падала тень от длинных ресниц; при каждом вздохе ноздри ее дрожали и раздувались; рот был немного велик, а слегка сжатые губы, словно пышный гранатный цвет, выделялись на белом, как воск, лице.

Ее мелкие черты выражали смирение и кротость, но за ними, чувствовалось, дремлют какие-то силы.

Быть может, из этой девушки могла бы выйти великая артистка... Быть может, крупная кокотка...

Ее грудь высоко поднималась и опускалась в чересчур тесном корсете. Жадным взглядом он раздевал ее, срывал с нее косынку и тяжелый серебряный кушак... Она поймала его взгляд и густо покраснела. Стыд опустил ее веки, но ненависть заставила поднять их. Дрожащими руками она положила обратно в карман письмо, отвернувшись и быстро, твердыми шагами, вышла из комнаты, захлопнув дверь.

Франк Браун посмотрел ей вслед. Его дикий, жадный порыв постепенно проходил, складка губ стала мягче, и глаза приняли спокойное, мечтательное выражение.

— Бедное, прекрасное дитя!.. — прошептал он. Потом, проведя рукой по волосам, он резко потряхнул головой, словно желая прогнать свои мысли, и воскликнул:

— Я хочу петь! А ты, хозяин, принеси нам лучшего вина!

Он побежал к себе, снял со стены гитару и вернулся на прежнее место.

— За ваше здоровье, г. Дренкер! — Он чокнулся с жандармом, потом с хозяином. — Хотите держать пари, что я вас перепою?

— Браво! — рассмеялся жандарм. — Только лучше не спорьте. Вы не знаете, на что способен Алоис Дренкер.

— Но я все-таки хочу держать пари! Хотите — ваша ка-ска за мою гитару.

— Идет!

Жандарм встал, отстегнул портупею и поставил в угол тяжелую саблю.

— Я готов.

Франк настроил гитару.

— Что вам спеть?

— Мне все равно. Что знаете.

Франк Браун запел.

Он пел зазорные студенческие песни, и двусмысленные шансонетки, и солдатские песни, полные грубых сальностей, которым с воодушевлением подтягивал жандарм. Франк был неистощим. Он пел то романсы неаполитанских уличных певцов, то андалусские мелодии, то матросские песни, то куплеты монмартрских кафе. Жандарм хохотал, хлопал по столу кулаками и пил стакан за стаканом. Франк Браун не отставал от него. Он пил и пел...

Хозяин уже ушел к себе, не простившись. Слышно было, как он повалился на постель, словно подкошенный. А они еще пили...

Наконец рука жандарма тяжело упала, ударив стаканом о край стола; его могучая голова грузно опустилась на грудь, и он захрапел.

Франк рассмеялся. Встал, взял гитару и подошел к окну.

Долго сидел он здесь на скамейке. Почти бессознательно коснулся он струн и взял несколько тихих аккордов.

Полились грустные бретонские песни, рожденные одиночеством, морем и вечной тоской. И в этот миг внезапно, почти инстинктивно, постиг он, что долгие годы искал ощущение, полный сомнений. В ярком свете увидел он заключительное звено длинной цепи размышлений, и им овладела твердая уверенность в себе.

Франк Браун встал. Безумный огонь сверкал в его глазах. Он подошел к столу, налил полный стакан вина и выпил.

— Черт побери! Нет никакой возможности опьянеть от вина. — Он вынул бумажник, достал из него маленькую бумажку, бережно развернул и высыпал из нее мелкий порошок в стакан с вином. Он пил, смакуя...

Медленно, с трудом волоча ноги, он вышел на улицу. Вдруг горячая волна пробежала по телу, ударила в руки и

ноги... Глубоко вздохнув, он вытянул руки, поднял голову и увидел наверху, в третьем окне, слабый свет...

* * *

Франк Браун быстро взбежал по лестнице, словно гонимый самой судьбой. Он вошел в свою комнату, быстро разделся, накинул халат и вышел...

Перед дверью Терезы Франк нерешительно остановился, словно боясь чего-то. Он прислушался — ни звука. Быстро откинув защелку, он вошел в ее комнату. Напротив висел образ Богородицы, украшенный веткой бука и тремя анемонами. Направо от него была чаша со святой водой, налево теплилась лампадка. Слабый свет падал на кровать молодой девушки.

Она еще не спала. Широко открытыми глазами она смотрела на него, вся побледнев, с дрожащими губами. Она не сказала ни слова, — только умоляюще смотрела на образ. Она молилась.

Он схватил ее; она громко вскрикнула, вскочила, ударила его кулаком по лицу и вонзилась ногтями в его тело.

Франк схватил девушку за талию, прижал ее к кровати, а правой рукой сдавил голову. Каким-то образом палец его попал в ее крепкие зубы; он закричал от невыносимой боли, схватил ее за косы, обмотал их вокруг руки, рванул ее голову — и только тогда разжались ее губы. Тереза не закрыла глаз и не кричала. Рядом с ним она неподвижно лежала и смотрела на него, как на чудовище, от которого некуда скрыться. Она не жаловалась и не плакала.

В этот момент его горячую грудь наполнило чистое чувство полного мира. Он заговорил и голос его звучал тихо и мягко, как звуки далекой, сладкой музыки. Странно-чарующе отдавались в ее ушах его слова. Они освежали, они окутывали ее голое, измученное тело. Только теперь она разрыдалась. Он обнял ее бережно, ласково, словно ребенка.

Тереза откинулась назад и взглянула на него. Ей казалось, что это — не тот, который только что... Она не узнавала его. И слегка, против собственной воли, она пожала ему руку.

А он продолжал говорить ей сладкие, любовные слова. Она уже не сопротивлялась его поцелуям и крепким объятиям. Она не стыдилась своих ласк... И ту самую руку, которую недавно так больно укусила, она покрывала теперь горячими поцелуями...

.

Он проснулся под утро и осторожно, чтобы не разбудить спящую, прошел в свою комнату и тотчас уснул.

На следующий день Франк Браун встал с радостным чувством. Он одержал три крупные победы:

— Я могу еще пить, как когда-то, и могу получать откровения... А любить — я тоже могу, как когда-то!

Он быстро оделся и сошел вниз. Терезы там не было; ему прислуживал ее отец. Оказалось, Тереза уехала к своему духовнику, но, не застав его в городе, вернулась раньше, чем предполагала.

Франк Браун ел не торопясь, надеясь увидеть Терезу. Однако, она не пришла.

Вечером он встретил ее в саду, но она убежала, как только он приблизился к ней. И в тот, и на следующий день он хотел заговорить с нею, но она избегала его, почти скрывалась. Один раз он попытался пойти к ней ночью; но дверь оказалась запертой. Временами его почти бессознательно влекло к ней. Но скоро он перестал о ней думать.

Его мысли принадлежали работе. До глубокой ночи он просиживал над книгами, приводил в порядок таблицы и выписки и видел, как труд его растет и принимает осязаемые формы.

Однажды он пошел на собрание к мистеру Питеру.

Огромная комната едва освещалась и вентилировалась одним окном, вделанным в боковую стену. Три стены ее были из голого камня и только четвертая обита досками.

Единственным украшением было большое распятие, висевшее на задней стене.

Все с жаром пели и молились. Затем Американец произнес проповедь, в которой он горячо нападал на дьявола, отца всех грехов. Он призывал к покаянию и закончил речь страстной молитвой.

Затем он спросил, не желает ли кто-нибудь «повидать свою душу».

Вперед выступил его слуга, Скуро, здоровенный детина с огромной рыжей головой, и начал каяться:

— Я был раньше черен, как дьявол в аду, а теперь, по милости Спасителя, сделался чистым. Прежде я был полон вином, а теперь я наполнился Святым Духом...

Немного разочарованный, Франк Браун ушел с собрания, когда «охотники на дьявола», как они назывались, запели в четвертый раз великопостную молитву.

* * *

Тереза стояла на коленях в исповедальне и, опустив голову на руки, закрыв крепко глаза, говорила без пауз, беззвучным голосом. Не прерывая, терпеливо слушал ее старый священник, сидевший в кресле.

Тереза умолкла. Медленно подняв голову, она посмотрела на священника беспомощно и глубоко-вопросительно.

Минуты бежали, а старик ничего еще не сказал своему духовному чаду и не знал, что он должен сказать: конечно, девушка согрешила; но так ли велик ее грех?

Ее губы опять зашевелились и тихо, так, что он скорее угадал, чем услышал ее, она спросила его:

— Ваше преподобие, правда ли, что... его... прислал рок?

Старик молчал.

Девушка поднялась с колен и подошла к нему совсем близко.

— Что же мне делать? — спросила она.

— Я не знаю, — прошептал священник.

Тереза бросилась к его ногам, зарылась головой в его рясу и разрыдалась. Старик чувствовал, как ее слезы промочили насквозь его платье; он хотел помочь ее горю, но не мог и только тихонько гладил ее по голове.

Вдруг девушка встала и схватила его руку. Она задыхалась.

— Ваше преподобие, скажите, это правда?.. Его послала судьба?

И в ее глазах светилось горячее желание и бесконечная надежда услышать: да. Он ясно чувствовал это. Он знал, что все ее существо наполнено прекрасным образом чужестранца — пылкого, мечтательного, бросающего вызов небесам.

Но, сделав над собой усилие, он ответил, не глядя:

— Не знаю.

Она разрыдалась. Бесконечное сострадание к ней заговорило в его душе; он поднял ее голову и ласково спросил:

— Разве ты так сильно любишь его?

— Да, батюшка, больше жизни.

Он тихо поцеловал ее в лоб.

— Тогда иди, дитя мое. Прими свой жребий. Это Божий промысел.

Она посмотрела на него с благодарностью; у нее не было сил сказать хоть слово. Потом, схватив его руки, она покрыла их слезами и поцелуями.

* * *

Франк Браун поздно сошел вниз: он работал всю ночь до рассвета. Тереза молча стояла за завтраком подле него и

ждала его взгляда. Но он почти не видел ее. Он не заметил ни ее отсутствия, ни возвращения. В следующие дни она тоже не отходила от него во время еды, но заговорить с ним не решалась; она только прислуживала ему, немая, как рабыня.

Однажды она тихо сказала ему:

— Дон Винченцо просил передать вам привет.

— Благодарю.

Он взглянул на девушку и заметил, что она была хороша.

— Ты видела священника?

— Да, четыре дня тому назад я была в городе.

— Ты исповедовалась?

Она кивнула головой.

Франк Браун болтал с Терезой, но не прикасался больше к ней. Он был ласков и добр с нею, как с хорошеньким ребенком, присутствие которого терпят. Иногда, когда он брал лютню, он звал ее к себе: она должна была спокойно сидеть и слушать.

Когда он отправлялся кататься по озеру, то давал ей весла, и она гребла. А он молча сидел против нее и о чем-нибудь думал или мечтал.

Он приучил ее бегать рядом с ним во время прогулок, терпеливо, внимательно, как хорошо выдрессированная собака. Франк высказывал ей свои мысли, спрашивал ее совета и сам за нее отвечал: так ему легче было уяснить себе самому свои мысли.

Терпеливо, серьезно, целыми часами слушала его Тереза. Она мало понимала из того, что он говорил, но все ей казалось великим и прекрасным, а сознание, что ее господин разговаривал с нею, делало ее бесконечно счастливой.

Иногда, среди ночи, среди ночи, он приходил в ее комнату, будил, садился на кровать и начинал рассказывать. Она, по обыкновению, тихо, серьезно слушала его. Иногда он оставался у нее, смеясь, обнимал и ласкал ее, а она закрывала глаза и вся дрожала от счастья.

Однажды, уже вечером, к нему постучались.

В комнату ввалился служивший при гостинице Анджело и доложил, что барина очень просит Мариано Венье пойти навестить его жену, которая больна, при смерти.

— Но я — не врач! — заявил Франк. Однако Анджело не двигался с места. Франку пришлось еще раз повторить, что он ничего не понимает в медицине; тогда слуга вышел, но тотчас вслед за ним в комнату вошли хозяин и Тереза.

— Венье стоит внизу и не хочет уходить. Пойдите же к его жене, доктор! — сказал Раймонди.

— Но я ничем не могу ей помочь. Я — не врач, — ответил Франк.

Хозяин почесал затылок и плюнул.

— Вам ведь никто не поверит: все думают, что раз вы доктор, вы должны уметь лечить.

Было видно, что он и сам думает так же.

Наконец, Раймонди прибег к последнему доводу.

— Там теперь Американец; он хочет молиться о ее здравии; вы можете сделать для нее столько же, сколько и он.

Но у Франка не было желания состязаться с Американцем.

Тут подошла к нему Тереза.

— Пойдите к бедняжке, — попросила она, — быть может, вы все-таки ей чем-нибудь поможете.

Он рассмеялся.

— Право, дитя, я ничего не умею.

Тереза серьезно, большими глазами, посмотрела на него, взяла за руку и проговорила:

— Пожалуйста, пойди к бедняжке. Ты все можешь...

Он вздохнул, пожал плечами, достал опиум, хинин и пирамидон из дорожной аптечки и отправился к больной...

Спальня, в которой лежала Матильда Венье, была полна народу. Воздух в ней был сперт донельзя.

— Откройте окно! — приказал Франк Браун. Но больная поднялась на кровати и громко закричала.

— Нет! Пусть окно будет закрыто! Пьетро Носклер приказал, чтобы его закрыли.

Франк Браун обернулся. Рядом с ним стоял Американец. Он был весь в черном; в длинном сюртуке, застегнутом до

самой шеи, как у миссионеров. Безбородое лицо, маленькие, слегка косые, глубоко сидящие глазки, низкий, выдающийся вперед череп, отсутствующий подбородок, приплюснутый нос, широко оттопыренные уши с приросшими мочками свидетельствовали о вырождении; шея была изрезана золотушными рубцами; движения торопливы, как у эпилептиков.

«Ему мне было бы легче поставить диагноз, чем больной», — подумал Франк Браун.

— Дайте ваш пульс, — попросил он больную.

Но женщина спрятала руку под одеяло и взглянула на Франка почти с ненавистью.

Тогда вмешался Американец.

— Дай руку, сестра! — сказал он больной, и та послушно протянула ее Франку.

Пульс больной свидетельствовал о сильной лихорадке. Ее язык и весь рот были сильно обложены. Она хрипела и кашляла.

Не подлежало никакому сомнению, что она была серьезно больна. Но Франк не знал, что нужно делать.

— Как долго она не спала? — спросил он неуверенно.

— Уже три ночи, — ответил Американец.

«Ей не может повредить ни в коем случае, если она как следует выспится, — подумал Франк Браун. — Я дам ей немного опиума».

— Принесите воды! — попросил он, — я дам ей лекарства.

Но больная закричала и замахала руками.

— Он отравит меня!

Она запела священный стих, и присутствующие вторили ей.

Ее муж сделал знак Франку Брауну, и они вышли в соседнюю комнату. Венье подал здесь Франку графин воды.

— Пришли сюда мистера Питера, — приказал он.

— Что вам угодно, доктор? — спросил, войдя в комнату, Американец.

— Вот стоит лекарство. Я уйду сейчас, и ты дашь его больной. Ты останешься всю ночь здесь?

— Да, — ответил Пьетро Носклер, — мы будем бодрствовать и молиться.

— Прекрасно, — продолжал Франк Браун. — Один стакан ты дашь ей сейчас же. Она охотнее примет лекарство из твоих рук. Я надеюсь, что оно несколько успокоит ее, и она скоро уснет. Если же больная снова проснется, ты дашь ей другой стакан!

Американец молчал, но по его лицу видно было, что он собирался сделать, когда уйдет доктор: взять стакан и вылить все его содержимое.

Франк Браун вспыхнул. Схватив за плечи Американца, он начал его трясти изо всех сил.

— Взгляни на меня! — крикнул он повелительно. — Ты сделаешь то, что я говорю! Я этого хочу — понимаешь?

— Да, я сделаю это, — пробормотал Американец, взял стакан и вышел к больной.

* * *

На следующий день Франк встретил мужа Матильды.

— Ну, как здоровье жены?

Мариан Венье посмотрел недоверчиво.

— Вы не помогли ей. Я не заплачу вам.

— Мне не нужно твоих денег. Я хочу только знать, как здоровье больной.

Венье сразу сделался любезнее:

— Ей лучше. Скоро она будет совсем здорова. Спасибо за то, что вы пришли.

Но тут же добавил:

— А спас ее все-таки Американец.

Вся деревня только и делала, что говорила о чудесном выздоровлении Матильды Венье. Говорили, что уже не было никакой надежды на ее спасение, что даже искусство знаменитого немецкого врача было бессильно. И только мистер Питер своими молитвами и бдением в течение трех долгих ночей спас ее тело, уже попавшее дьяволу в когти!

Тереза вошла в комнату Франка.

— Ведь это вы спасли Матильду, а не Американец? Правда?

«Она сама спасла себя», — подумал Франк Браун, но ответил Терезе:

— Нет, наверно, Американец: он так усердно молился!

Девушка не знала, шутит он или говорит серьезно. В эту минуту в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Франк Браун.

Тереза открыла дверь и, увидев Американца, вскрикнула и убежала.

Франк Браун поздоровался с ним и предложил ему стул.

От сильного смущения мистер Питер потирал свои огромные красные ручища о брюки. Потом, заикаясь, сказал, что пришел поблагодарить доктора за спасение сестры.

Хотя все-де говорят, что он спас больную, но это лишь потому, что никто не видел, как доктор приготавлил лекарство.

— Вы сказали это кому-нибудь? — спросил Франк.

— Пока — нет, но в ближайшее воскресенье я заявлю на собрании, что не я, а немецкий доктор спас нашу сестру.

Франк Браун пристально посмотрел на него.

— Ты этого не сделаешь, — сказал он спокойно.

— Почему же нет? — и Пьетро стал ерзать на стуле. — Почему не сделаю? Я должен заявить это. Ведь это — правда.

— Ты не скажешь этого. Я сам приду на собрание, и если ты скажешь это, я встану и заявлю, что ты лжешь. Не я исцелил жену Мариано, а ты!

Пьетро схватился за голову обеими руками.

— Я?.. Но ведь вы дали ей лекарство?

— Нет. Я дал тебе чистой воды, — солгал Франк Браун. — Я не врач и не умею лечить. Больную спасли твои молитвы и ты. Тебе дал Иисус Христос силу благодати своей, а не мне.

Американец встал. Его глаза сверкали.

— Доктор, верно ли это?

Франк Браун взял протянутую руку и с силой потряс ее:

— Да, все это верно!

«Почему же мне не солгать, раз это так нравится тебе?» — подумал он.

Американец перестал сомневаться в себе. Но к его великой вере в себя присоединилась другая: вера в превосходство силы чужестранца. И он смиренно сказал:

— Благодарю вас, доктор.

— Не за что. Всего хорошего, Илия.

— Почему вы называли меня... Илией? — спросил, заикаясь, Американец.

— Иди сейчас. Я объясню тебе это в другой раз.

Едва ушел Американец, как в комнату вернулась, дрожа и задыхаясь от негодования, Тереза.

— Я не хочу, чтобы он приходил сюда! Что тебе нужно от этого грязного Американца?

Франк пристально посмотрел на нее. Она вздрогнула и тихо, как бы извиняясь, добавила:

— У него дурной глаз.

Франк Браун привлек ее к себе, усадил на колени и положил ее голову к себе на плечо. Затем быстро начал гладить виски. Она не сопротивлялась, а лежала, спокойно дыша, у него на груди. Он уколол ее иголкой в руку; лицо ее не выразило признаков боли. Он был доволен.

Усадив ее на стул, Франк сел против нее на столе и задумался.

«Как это удивительно! — думал он. — На вид я кажусь колдуном. А между тем я отлично знаю, что сила — не во мне, а в тебе, дитя мое! И если я сделаю что-нибудь с тобою или с этим дураком-Американцем, которого ты терпеть не можешь, то творить будет все-таки ваша сила, а не моя. Наука говорит, что вы — больные. Но ваша болезнь — большая сила, и я хочу использовать ее, как умею».

Он проделал над девушкой несколько опытов: то давал ей приказания, то задавал вал вопросы, на которые она отвечала в желательном для него смысле. Наконец, ему надоело это занятие, и он разбудил загипнотизированную.

* * *

Франк Браун отправился к Американцу. Его встретила в саду жена последнего — крепкая, маленькая, круглая женщина. Показав на сарай, она благоговейно проговорила:

— Мой муж там; он скоро вернется.

Она ввела гостя в дом, усадила его и долго болтала, пересыпая каждую фразу словами: «мой муж».

Вдруг она испуганно вскочила.

— Он идет, — прошептала она, открыла дверь, поставила на стол свечу и незаметно вышла.

Пьетро встретил Франка мрачно и сдержанно. Он стоял с опущенной головой и смотрел на него со злобой и страхом.

«Погоди, мой зверь. Я еще научу тебя плясать», — подумал Франк Браун и спросил по-английски:

— Как дела?

Мистер Питер вздрогнул, съежился, словно получил удар хлыста, и с кисло-сладкой улыбкой ответил:

— Благодарю. Все в руке Бога. Я молю Его, дабы Он благословил мое начинание.

— Бог не благословит твоего дела, — ответил Франк Браун. — Он требует большего, чем пение и молитвы.

— Чего же Он требует? — спросил подозрительно Пьетро Носклер.

Франк Браун положил руку на плечо Американца. Его голос звучал мягко, спокойно, но чрезвычайно убедительно, когда он заговорил:

— Слушай, Пьетро Носклер! Бог ждет от тебя чуда.

С ужасом смотрел на него мистер Питер.

— Я должен сотворить чудо? Я?... Но люди ведь не делают чудес!

— Не грешь! Прочти «Житие святых», — и ты узнаешь, что люди творят чудеса Ты должен сотворить чудо и можешь это, Пьетро. Ты — пророк Илия! Разве тебе не известно, что души святых могут вселяться и в другие тела по велению Бога?! В тебе сидит душа Илии.

Франк говорил медленно, уверенно, тоном, не допускающим сомнений.

— Недаром же Господь послал тебе столько милостей. Он повел тебя через огромное море, чтобы заставить тебя долгие годы в тяжком труде добывать хлеб твой насущный. Он направил там твои шаги в общину братьев, дабы осветить тебя сиянием Духа Своего. И в Своей безграничной милости дал Он тебе богатый дар и вывел тебя из чужой страны: в долине твоей родины ты должен был вещать Царствие Его и милосердие Спасителя. И здесь, пока ты спал, Он вселил в твое тело душу благочестивого служителя Своего — Илии.

Пьетро шатался, как пьяный, и крепко ухватился за край стола.

— Это верно, — прошептал он; — мне снится каждую ночь кровь агнца. А жена говорит, что я встаю и брожу во сне.

— Не ты встаешь, а пророк, живущий в тебе, — заметил Франк Браун. — Он встает и творит во сне хвалу Господу Богу. Пьетро Носклер, ты — Божий избранник!

Американец едва держался на ногах под пристальным взглядом Брауна. Его руки дрожали, тонкая пена покры-

вала полуоткрытые губы. Но взгляд его светился гордым блаженством. Он уже не слышал, что ему говорил тот, другой, они созерцали великолепие Царствия Божия. Франк Браун начал его раздраженно трясти.

— Приди в себя, Пьетро, я говорю с тобой. Ты должен слушаться, понимаешь ли, Пьетро?

Да, он должен был слушаться, — он это знал. Он чувствовали что чужеземец прогнал туман, застилавший ему до сих пор глаза, и указали путь, по какому он должен идти. Но именно за это он ненавидел его. Пьетро безгранично верил каждому слову своего собеседника, и в нем все сильней и сильней росло благоговейное уважение к самому себе, и в то же время перед ним сидела эта беззаботная собака и каждым взглядом, каждым жестом показывала ему свое безграничное неуважение.

Он заскрежетал зубами. Отчего именно Франк был послан к нему?

«Пути Господа неисповедимы», — прошептал он и беззвучно спросил:

— Скажите, доктор, что же мне делать?

— Принеси сначала вина!

Американец посмотрел на него, — его словно хлестнули плетью.

— У меня нет вина. В моем доме никогда не было ни капли, — ответил он.

— Если нет, то пойдй купи у Раймонди.

Пьетро тяжело поднялся и вышел, как прибитая собака.

Он вернулся с вином. -

— Пей и ты тоже!

Франк пил и заставлял пить Носклера.

— Теперь ты меня лучше поймешь. Итак, слушай внимательно.

Что ты делал до сих пор в Валь-ди-Скодра? Ты проповедовал веру, меж тем как здесь нет ни одного неверующего. Ты говорил о покаянии, меж тем как они задолго до твоего появления раскаялись в грехах. Ты заставлял их каяться в грехах открыто, перед всей общиной, а думаешь, что этого довольно для Господа?

Ты убедил их отказаться от вина — бесспорно, это благое дело. Но верь мне, Пьетро, Бог требует большего. И те, кого ты учишь, тоже отвернутся скоро от тебя, они тоже ждут от тебя большего. Ты требовал от них борьбы с дьяволом и обещал им изгнать его. Но каким орудием? Моливой и пением? Помни, Пьетро, дьявол не боится молитв и песнопений, и если ты хочешь одолеть его, то избери более действительное оружие!

Апостол Павел сказал: «Я бичую и изнуряю тело свое....»

Вот — путь, который нам указали святые!

Итак, возьми бич и истязай свое тело, Пьетро Носклер, ты же пророк Илия!

Франк Браун умолк.

Американец не отрывал от него глаз; он шевелил языком и губами, но не произносил ни звука, — казалось, он потерял способность речи. Наконец, с большими усилиями, запинаясь, он проговорил:

— Скажи... скажи... кто ты?

— На, вышей, глупая скотина! Кто я — не твое дело, болван! Подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал, — для твоей башки вполне хватит.

Они встал и собрался уходить.

— Вот еще что я хотел сказать тебе, Пьетро. Тебя учили в Пенсильвании, что алкоголь — вредный яд, и что в нем сидит дьявол, — совершенно верно!

Он наполнил стакан и отпил глоток.

— А теперь, мой пророк, прими из моих рук яд сатаны! Приложи свои губы туда, где я отпил.

Американец вскочил и оттолкнул его.

— Нет, нет, не хочу! Убирайся! Оставь меня!

— Я знаю, Пьетро, что ты не хочешь. Но ты должен. Слышишь: ты должен!

Он протянул свой стакан.

Дрожащими руками поднес его Пьетро ко рту, отпил глоток и выплюнул. Губы его жег адский огонь.

— Ты должен выпить!

И мистер Питер пил.

Его ноги подкашивались, глаза выходили из орбит. Ему казалось, будто он глотал расплавленный свинец.

— Прекрасно! — сказал Франк Браун. — Спокойной ночи!
И вышел.

* * *

Пьетро Носклер съежился на корточках в своем углу. Его ноги дрожали и отказывались служить. «Он отравил меня!» — стонал Пьетро. Подползши на четвереньках к столу, он поднялся с трудом, взял бутылку и ударил ею об угол стола.

Внутри у него все горело. Его тело пухло, превращалось в огромный шар, в котором, оскалив зубы, сидел сатана, громко ржал и кувыркался. Пьетро чувствовал, как дьявол стянул его внутренности, рванул вниз голову и поднял колени до самых плеч.

Он лежал здесь, как шар: в таком виде дьявол хотел докатить его к морю и затем вытолкать все глубже и глубже, в самый адский огонь. Там он лопнет, и Вельзевул выскочит из него с сатанинским хохотом, и окружит его со своими товарищами...

Собрав последние силы, Пьетро упал на колени:

— Боже, сущий в небе, помоги слуге Твоему, Илии!

В этот момент сатана подскочил, как мяч, к самому горлу Пьетро. Он давил и душил его и, наконец, широко раздвинув ему челюсти, издавая отвратительное зловоние, он выпрыгнул между зубов, испуганный именем Господа Бога...

Перед домом гремел резкий, грубый голос жандарма. Франк Браун подошел к окну. Алоис Дренкер держал повод, а в седле сидела старая, искривленная нищая, Сибилла Мадруццо.

— Что с нею? — спросил Франк.

Жандарм замахал в знак приветствия рукой.

— Ничего! Она моя старая приятельница, и каждый раз, когда я приезжаю в деревню, я подвожу ее на лошади. Так немного легче ее больным старым костям.

Слуга и Тереза помогли старухе слезть с лошади, и Алоис Дренкер вошел в ресторан.

Когда Франк Браун спустился вниз, жандарм встретил его очень шумно. Он заявил, что никогда не забудет ночи, в которую его перепили.

Чтобы перевести разговор на другую тему, Франк Браун спросил:

— Вы сказали, что старая нищая — ваша приятельница....

Дренкер засмеялся.

— Сибилле на вид можно дать 80, 100 и даже 120 лет. А между тем, она совсем не так стара.. Когда-то трое удачных стрелков были изрядно влюблены в нее.

— Расскажите же, как это было? — попросил Франк.

Дренкер начал рассказывать громко, поспешно, короткими, отрывистыми фразами.

— Это было лет 30 тому назад. Мы стояли в Бонне и были все трое лучшими друзьями в мире. Уссоло и я были унтер-офицерами, а Раймонди — уже фельдфебелем. Они оба были из Валь-ди-Скодра, и когда они отправлялись в отпуск, я приезжал сюда с ними: своего дома у меня не было. Когда мы являлись в деревню, мы, разумеется, становились центром всеобщего внимания; но мы были без ума от Сибиллы, и каждый из кожи лез, чтобы понравиться ей. Однако никто из нас не решался открыться в этом ни своим друзьям, ни самой девушке. Каждый строил свои планы, но никогда не делился ими. Мы все писали ей, и она отвечала, но всем троим вместе.

В один зимний вечер Уссоло заявил нам, что собирается подать в отставку, так как он любит Сибиллу и хочет жениться на ней. Это взорвало Раймонди. Он заявил, что, как старший и как фельдфебель, он имеет больше прав на эту девушку, что он любит ее и никому ее не уступить. Тут уж я тоже не выдержал и сознался в своей любви к Сибилле. Кончилось рукопашной, и мы все попали под арест. Таким образом, у нас оказалось много свободного времени, и мы успели поостыть и обдумать положение. Сообща мы пришли к решению — предоставить выбор самой девушке, и с этой целью решено было поехать в ближайший отпуск в Валь-ди-Скодра. Пока же мы постановили не писать ей отдельно. Таким образом, мы вместе писали ей, сообщая посылали ей к Рождеству и Пасхе подарки, — Сибилла и поныне хранит их. Но мы не доверяли друг другу и по несколько раз в неделю должны были клясться, что не посылали ей втихомолку писем. Наступил, наконец, отпуск, и мы втроем отправились. Никогда в жизни я не забуду этой дороги! Никто не проронил друг с другом ни слова; выражение лица у каждого было такое, словно он хотел съесть другого живьем. Я думаю, если бы не мундир, дело не обошлось бы без схватки.

Мы пришли в деревню поздно ночью. Раймонди пошел к своим родителям, я остановился у Уссоло. Но мы не за-

снули ни на секунду: я боялся, как бы Уссоло, воспользовавшись моим сном, не пошел потихоньку к Сибилле, — он боялся того же с моей стороны. Ни свет ни заря, мы пошли к дому Раймонди, боясь, как бы он не предупредил нас. Но не успели мы подойти, как он уже вышел из дому; очевидно, он сам опасался нас. Было еще слишком рано, чтобы идти к Сибилле, и мы все зашли к Раймонди. Там мы напились кофе и, когда собрались идти к Сибилле, — она была уже у нас.

Мы все болтали с ней о разных пустяках, но никто не решался заговорить о том, что нас так сильно волновало.

Наконец, я отозвал товарищей в сторону и предложил метать жребий: кому первому заговорить с Сибиллой. Жребий выпал на долю Уссоло. Мы были уверены, что он получит нос, и с нетерпением ждали его возвращения; но их долго не было, наконец, они вернулись, Уссоло взял под козырек и сказал:

«Господин фельдфебель, осмелюсь доложить: унтер-офицер Уссоло и его невеста, Сибилла Мадруццо».

— Я затрудняюсь сказать, у кого было глупее лицо: у меня или у Раймонди; но, несомненно, у обоих были лица глупые.

Первым пришел в себя Раймонди. Он достал из кармана хорошенький кошелек в серебряной оправе, дал его Сибилле и поздравил жениха и невесту. Затем и я вынул пару серег и дал ей, как свадебный подарок. Тут только вспомнил Уссоло о хорошеньких часиках, которые приготовил для своей невесты.

Мы оставили счастливую парочку и пошли домой.

Настроение у нас было сильно подавленное, тем не менее, мы решили относиться по-братски к обоим. Но это было не так легко, как нам казалось сначала. Тогда мы решили вернуться в полк. Уссоло и Сибилла начали упрашивать нас побыть еще с ними; первый предложил пойти в ближайший храмовый праздник к его родным в Чимею, в семи часах ходьбы от Валь-ди-Скодра. Скрепя сердце, мы согласились.

Мы вышли в ночь под воскресенье. Я и Сибилла шли позади, Уссоло и Раймонди — впереди. Сибилла и Раймонди шли с фонарями. Во втором часу ночи мы проходили оврагом Боацоля. Впереди шел Раймонди с фонарем, за ним — я, затем — Сибилла, и в хвосте Уссоло. Вдруг я услышал, что Уссоло выругался. Оказалось, он поскользнулся и упал на камни.

— Проклятая скотина! — вдруг закричал он, и при свете фонаря я увидел в его руке небольшую змею. Он схватил ее за хвост и размозил о скалу ее голову.

— Она не укусила тебя? — спросила девушка.

Он рассмеялся и ответил, что, во всяком случае, ничего не чувствует. Однако, не прошло и пяти минут, как его начало сильно лихорадить; он закутался во все, что было с нами теплого, и все-таки озноб не прекращался.

Раймонди, бывший санитаром, поднес фонарь к левой руке больного и внимательно осмотрел ее. У самого пульса была маленькая, едва заметная ранка. Рука, слегка распухшая, продолжала пухнуть на наших глазах. Раймонди перевязал крепко руку ремнем выше укуса и сказал, что теперь необходимо высосать яд. Сибилла кинулась было к жениху, но Раймонди, заметив трещины у нее на губах, не пустил ее. Осмотрев хорошенько мой рот, он нашел, что я могу без риска сосать укус змеи. Я тянул, что было мочи, пока, наконец, Раймонди не приказал мне прекратить — но больному не было легче. Тогда Раймонди решил отправиться в Чимею за вином и лекарством.

Проходили часы, а Раймонди все не было. Больному становилось все хуже и хуже.

Я решил отправиться на поиски Раймонди. Через час я встретил его со священником и тремя парнями. Оказалось, он заблудился в темноте и попал в Чимею только под утро. Когда мы вернулись к Уссоло, мы уже не нашли его; перед нами лежал его труп; над ним стояла Сибилла, наклонившись вперед всем туловищем — так, как она теперь ходит и стоит. Мы начали расспрашивать ее о подробностях смерти, но в ответ она лишь шевелила губами и ничего не говорила: она потеряла дар речи.

Что произошло в эти два часа — я не знаю и поныне. Впоследствии я несколько раз расспрашивал Сибиллу, просил ее написать, но она лишь закрывала руками лицо и вся начинала дрожать и трясти головой; я перестал говорить с ней об этом. Однако, должно было произойти что-то очень страшное, — это видно было по ее лицу: выражение навсегда застыло на нем; только теперь, когда оно загорело и покрылось морщинами, это стало менее заметно.

Я и Раймонди сделали все, что только в человеческих силах, для ее излечения, но ничто не помогло — она осталась калекой...

Вот история красавицы Сибиллы и ее бедного жениха...

Жандарм уже давно уехал. Было довольно поздно, но Франку Брауну не хотелось еще спать. Он сел за стол, хотя чувствовал, что не будет в состоянии работать.

Вдруг ему почудился шорох за дверью. Он прислушался, окликнул Терезу, но не получил ответа. У него было ощущение, будто кто-то стоит за дверью и хочет войти.

«Пусть приходит — я готов». Но прогнал эту мысль и рассмеялся. «Нервы!» — решил он и, чтобы успокоиться, взял книгу. Он перелистал уже несколько страниц, как снова услышал за дверью возню. Он стал посреди комнаты и прислушался — действительно, кто-то возился с замком. Он подошел к двери и распахнул ее: никого! Но он явственно различил теперь, что шум идет от двери в спальню, задвинутую на тяжелый засов изнутри. Он сделал шаг вперед, но, увидав белую фигуру, с рукой на задвижке, — инстинктивно отскочил назад и захлопнул дверь на замок.

Подойдя к столу, Франк Браун достал свой браунинг и, убедившись, что револьвер заряжен, открыл предохранитель и снова направился к двери. Но не успел он сделать и одного шага, как задвижка отскочила, и дверь открылась настежь. В дверях стоял Пьетро Носклер. На нем была черная от грязи, промокшая насквозь рубашка; на черных волосах болтался сбоку белый ночной колпак. Голые ноги,

покрытые черными густыми волосами, были облеплены навозом и грязью.

«Оригинальный костюм для визита», — подумал Франк Браун. Он окликнул Американца, но тот ничего не слышал. Они пристально смотрел широко открытыми глазами прямо перед собой, ничего не различая. Франк приблизил к его лицу лампу — веки не дрогнули. Мистер Пьетро бродил ощупью, как в глубокой темноте.

Вдруг Американец остановился. Казалось, он очнулся. Он повернул опять к двери и ощупью вышел. Франк следовал за ним с лампой в левой руке и с револьвером в правой. Он видел, как Пьетро осторожно спустился по лестнице и вошел в ресторан. Здесь он нащупал буфет и достал длинный, остро отточенный нож для разрезания мяса. Нащупав большими пальцами острие, он широко осклабился, зажал крепко клинок в правой руке и опять осторожно поднялся по лестнице. На этот раз он прошел прямо в открытую дверь кабинета. Франк стоял в двух шагах от него и следил за каждым движением, готовый выстрелить в любой момент.

Но было ясно, что его ночной гость ничего не видит и не слышит. Пьетро потихоньку открыл дверь в спальню и направился прямо к кровати, нащупал руками клинок ножа и взял его в рот.

Свет от лампы упал в эту минуту на лицо Американца, — на нем была написана безграничная ярость.

Схватив рукой подушку, Пьетро с бешеной силой всадил в нее нож; еще раз высоко поднял он нож и снова всадил его в подушку; потом вытер глаза, словно желая стереть брызнувшую в лицо кровь.

И еще и еще он продолжал вонзать свой нож в подушку...

На его губах появилась улыбка блаженства; раза два он глубоко вздохнул и выронил нож. Потом спокойной, почти твердой походкой Пьетро направился к двери.

Франк Браун шел за ним до выхода и, остановившись в дверях, смотрел ему вслед, пока Пьетро не скрылся в темноте дождливой ночи.

Вернувшись к себе, Франк осмотрел постель: одеяла и подушки были насквозь исколоты, вдоль и поперек.

Только теперь он почувствовал страх.

— Для нас обоих лучше, что я не лежал здесь, — сказал он громко.

Босоногий, с белой шалью через плечо, с большим бумажными колпаком на голове и с деревянной саблей в руке, разгуливал по улицам глухонемой пастушок Джино. На короткой веревке он тащил за собой козу, у которой на шее, хвосте, рогах и ногах болтались большие бубенчики. Спину козы обмотали куском холста, к которому прикрепили большую куклу, усадив ее верхом, лицом к хвосту. Кукла была сделана довольно примитивно: из пакли и черных тряпок; две красные бусины изображали ее глаза. Пара рогов, длинный красный язык и зеленый хвост свидетельствовали, что она должна изображать дьявола.

Джино издавал какие-то хриплые звуки, поколачивая при этом своим мечом дьявола. Коза с испугу блеяла, и все ее одиннадцать бубенчиков звенели при этом.

Ребятишки и женщины бежали за ними гурьбой.

От времени до времени мальчик доставал из кармана записки и раздавал их окружающим. На них было написано:

«Сегодня вечером, равно в 8 часов, в помещении для собраний, *Великая битва с дьяволом*. Всех христиан просят сердечно пожаловать.

Пророк *Илия*».

— Пойдем туда, Тереза? — спросил Франк Браун.

— Нет. Мне не хочется.

— Почему не пойти? Вся деревня там будет.

— Моего отца тоже не будет.

Франк рассмеялся.

— Твоего отца?.. Хочешь, я дам ему двадцать крон, и он пойдет.

Вся кровь бросилась в голову девушки. Но Франк не унимался.

— Ты не веришь, что он пойдет?

Она встала и посмотрела прямо в глаза.

— Я знаю, что он пойдет за деньги, я знаю, что ради них он готов на все. Я знаю также, что он взял с тебя деньги за... за... меня! Но он — мой отец, и я ничего не хочу больше слышать. Замолчи!

Ее грудь высоко подымалась, она задыхалась от гнева. Такой она ему нравилась очень, и он продолжал ее мучить. Наконец девушка не выдержала и разрыдалась.

— Что тебе нужно от моего отца? Чего ты хочешь от этого противного Американца? Разве тебе мало меня?

— Ты пойдешь со мной сегодня? — спросил он вместо ответа.

Она молча кивнула головой.

* * *

Франк Браун поднялся к себе. Он был очень недоволен собой: зачем он мучил эту бедную девушку?!..

Он был владыкой в Валь-ди-Скодра; он держал в своей власти злобного Пьетро Носклера, а через него — всю деревню; его кошелек подчинял его воле скупого Раймонди, а взгляд его — девушку, любившую его. В самом деле, он был здесь владыкой.

Франк громко усмехнулся. Он отчетливо сознавал, что ему не доставало лишь веры... Он позвал Терезу.

— Тереза, ты можешь всему верить? И если я скажу тебе, что солнце свалится с неба, — ты согласишься? Или, что у меня на голове ползет червь, — ты тоже согласишься и даже увидишь его?!

— Ты болен...

— Нет, не я — вы больны: ваша вера — болезнь. И я ничего так страстно не желаю, как заразиться ею; но я иммунизирован от нее. Ты одна можешь помочь мне.

— Возьми же мою жизнь! — прошептала Тереза.

Он вскочил и оттолкнул ее.

— К чему мне твоя жизнь? Мне нужна твоя вера, горячая вера! Дай мне силы поверить в самого себя, — и я сам буду чудодеем, который вознесет тебя на небеса!

— Я верю в тебя! — сказала она.

— Да, ты веришь в меня. Все вы верите в меня. Но отчего я сам не могу уверовать? Скажи мне, владыка ли я, если весь мир говорит это?

— Ты — владыка!

— И ты веришь в меня? Больше, чем в Бога, чем во все остальное на свете?

— Я верю в тебя одного!

Он зашатался, ноги его подкосились, и он свалился на кровать.

— Моя возлюбленная! — прошептал он...

* * *

— Уже восемь часов. Мы ведь собирались на бой с дьяволом к Пьетро.

Он посмотрел на нее.

— Ты хочешь идти туда?

Она засмеялась.

— Разумеется, с тобой!

Они пришли, когда все были уже в сборе. На этот раз Пьетро Носклер постарался украсить несколько свой сарай: со всех поперечных балок спускались фонари; на массив-

ных столбах торчали четыре факела, а на стенах и балках висели огромные картонные щиты с изречениями из Священного Писания.

Все пели великопостную молитву. Одни сидели, другие стояли, третьи молились на коленях. Музыканты сидели в левом углу, и их инструменты, издававшие отвратительные звуки, покрывали и заглушали друг друга.

Пение кончилось. Американец взял у стоявшего позади него портного Ронхи молитвенник, раскрыл его и вернул портному, и последний, запинаясь, водя пальцем от слова к слову, прочел указанное ему место. Все пали на колени и воскликнули: «Аминь!»

Затем Пьетро спросил, не чувствует ли кто-либо потребности «поведать душу?»

Немедленно поднялся рыжеволосый Скуро и в сотый раз рассказал, как он раньше был пьяницей, и как его осенила благодать. Не успел он окончить, как встала Матильда Венье. Она протискалась сквозь ряды молящихся, бросилась на колени перед образом Христа и, плача навзрыд, долго молилась. Потом встала и обратилась к собравшимся.

— Я должна вам поведать свою душу! — воскликнула она. — Вся моя жизнь была сплошной цепью грехов. Меня крепко держал дьявол в своих когтях, но святые молитвы брата Пьетро сломили силу злого духа.

Молитесь за меня, возлюбленные братья и сестры. Да простятся мне мои грехи! Мое второе дитя, Фиаметта, — не дочь моего мужа, Мариана Венье, а дочь жандарма — Алоиса Дренкера.

Иди сюда, Фиаметта! Пусть все видят тебя, плод моих прегрешений! — и с этими словами она схватила за волосы восьмилетнюю девочку.

Испуганный ребенок ухватился за платье отца, плакал и кричал, а мать с силой тащила и толкала вперед.

— Вот живое напоминание о греховных объятиях! О, братья и сестры! Простите меня! Молитесь со мной о прощении мне великих грехов!

Всплеснув высоко поднятыми руками, она тяжело опустила их на худенькие плечики ребенка.

— Становись на колени, мерзкий ублюдок, и молись о прощении грехов твоей матери.

Венье стоял, разинув рот, и почесывался. Все устремились вперед, давили друг друга и с любопытством вытягивали шеи, чтобы лучше видеть супругов Венье и ребенка, плод грешной любви.

Наконец, Американец приступил к молитве. Все опустились на колени и вторили словам молитвы. По окончании ее он приказал всем подняться и начал свою проповедь.

Это были все прежние убогие мысли, но Франк Браун чувствовал за ними скрытый огонь, который вот-вот прорвется наружу ярким пламенем... Он слышал шум ветра и ждал, когда в этой душной, тяжелой атмосфере разразится страшная буря...

На мгновение Американец умолк и вдруг торжественно воскликнул:

— Бог послал мне знамение!

Казалось, с этими словами он пересек поток, лежавший на его пути.

— Ждите, возлюбленные братья и сестры! Я откроюсь вам!

Пьетро вскочил и обеими руками поднял по направлению к присутствующим медную чашу.

— Идите сюда, — воскликнул он, — и пейте вино!

Трепет пробежал по собравшимся. Первой отпила Матильда Венье.

Фиаметта обошла с чашей присутствующих.

Все пили. Девочка всех обносила вином.

Когда очередь дошла до Терезы, она хотела отказаться; но Франк Браун шепнул ей: «Возьми и сделай вид, будто пьешь». Она послушно взяла и передала ему чашу. Он почувствовал, что на него устремились все взгляды, — перекрестился и выпил.

Это было превосходное, чистое вино.

Руки. девушки горели; она крепко прижималась к возлюбленному и, спустив на лоб косынку, чтобы удобнее было наблюдать, вперилась взглядом в Пьетро Носклера, стоявшего перед ней.

Пьетро заговорил быстро, страстно, высоко подняв обе руки:

— Братья и сестры! Отдадим наши тела на истязания, прольем нашу кровь за Того, Кто пролил свою кровь за грехи всего мира!

Сняв со стены мешок, он высыпал на пол его содержимое. Оттуда посыпались палки и ветки шиповника, березовые и ореховые прутья. Пьетро выбрал крепкий прут с длинными и жесткими шипами и, приблизившись вплотную к образу Спасителя, разделся до пояса.

— Я подам вам пример! — воскликнул он.

Тяжелые удары один за другим падали на спину и плечи, а острые шипы глубоко вонзались ему в тело. Оно все покрылось каплями крови. Лицо Американца исказилось от боли, а удары сыпались все быстрее и быстрее. Тело качалось из стороны в сторону.

Бледные губы его шевелились и непрерывно произносили слова молитвы.

— Послушайте, братья! Послушайте, сестры! Бог хочет спасти вас от пыток вечной смерти! Он вселил в мое тело душу своего вернейшего слуги: я — пророк *Илия*.

Он подпрыгнул обеими ногами, словно собираясь взлететь, потом вновь засвистели розги, обнажая куски мяса на кровоточащей спине.

Матильда Венье вскочила с колен, сняла синюю блузу и разорвала рубашку у плеч.

— Секи меня! — с жаром воскликнула она. — Секи!

Американец заговорил опять.

— Братья и сестры! Дьявол рыщет по свету. Но мы должны изгнать его! Мы будем петь и молиться, а если и это не поможет, — начнем истязать себя. Тогда он обратится в бегство, и победа останется за нами. Следуйте за мной в этой борьбе. Бейте, секите меня! Бога!

Но никто не решался поднять на него свою руку.

— Почему колеблетесь? Или вы не слышите, как сатана насмеяется над вашей слабостью? Бей меня, Ронхи; бей, Джироламо; бей меня, Матильда Венье.

Они стояли, подняв прутья, не смея опустить их на тело пророка.

— Вы должны бичевать меня! Слышите? Начни же скорее, сестра Матильда!

Матильда закрыла глаза и ударила, за ней начали сечь портной и Джироламо.

— Сильнее! Сильнее! — кричал Пьетро.

Путья со свистом рассекали воздух.

Матильда кричала:

— Бейте меня! Я хочу пострадать...

Тереза не спускала глаз с этого зрелища. Вдруг она услышала возглас:

— Пропустите ее! Пустите Сибиллу Мадруццо!

Все расступились, образовав проход, пение смолкло, бичевание прекратилось.

— Что тебе нужно, сестра Сибилла? — спросил ее Пьетро.

Она зашевелила губами и указала палкой на спину. Американец сделал шаг назад, но старуха поползла за ним, схватила прутья, которые он держал, и поцеловала. Собравшись духом, он ударил ее слегка по искривленной спине. Однако она не отступала.

— Ты стара и больна, — сказал Пьетро. Но она не выпускала его руки и беззвучно молила о чем-то. Наконец, она у кого-то достала карандаш и клочок бумаги и написала: «Ты сказал, что мы все должны пролить свою кровь. Почему же ты сам отталкиваешь меня?»

Пророк колебался. Немая упала перед ним на колени и крепко обняла его ноги.

— Ты должен сделать это! Ты пророк! — воскликнул Ронхи.

Пьетро опустился на колени рядом с нищей. Оба жарко помолились.

Американец вскочил и крепко зажал в правой руке прутья с шипами. Закрывая глаза, он быстро, безостановочно

опускал удар за ударом на несчастную старуху. Ее искривленное тело извивалось у его ног; израненное плечо превратилось в ярко-красное пятно.

Тогда свершилось оно...

Сибилла Мадруццо сначала стала на колени, потом встала во весь рост. И ее тело, сведенное ужасной судорогой, теперь, через 30 лет, вдруг выпрямилось.

Пророк стоял перед ней, весь дрожа; прутья выпали из его рук.

И громко, отчетливо раздалась ее слова:

— Господь благословил меня твоею рукою. Да будешь благословен ты!

Она поклонилась, взяла его руку и смиренно ее поцеловала.

Страшная тишина наполнила комнату. Все стояли, как оцепенелые. Вдруг Джиованни Ульпо воскликнул:

— Чудо! Пьетро совершил чудо!

Глухим ревом стоял общий крик:

— Чудо! Чудо!

Все бросились вперед. Каждый хотел видеть в глаза исцеленную и прикоснуться к пророку.

В этот момент раздался призыв пророка:

— На колени, братья и сестры! Совершилось чудо!

Все запели пасхальную песнь...

Песня мощно росла, словно желая пробиться сквозь стены, снести крышу и подняться, улететь из долины — к высоким небесам.

Франк Браун поднял Терезу со стула; ему пришлось почти нести ее: она едва передвигала ноги и, казалось, каждую минуту готова была упасть.

Улицы были пустынные. Со стороны дома Американца опять доносились нестройная музыка и пение.

Когда она пришла домой, он спросил:

— Знаешь ли ты жизнь святой, имя которой носишь?

Она отрицательно покачала головой.

— В таком случае я расскажу тебе.

Он достал из книжного сундука толстую книгу и пару тетрадок.

Тереза взяла толстую книгу и с любопытством прочитала заглавие: «Acta Sanctorum».

— Ты будешь читать из нее?

— Да, я хочу рассказать тебе о святой Терезе и о других благочестивых женщинах.

Она погладила его по руке.

— Быть может, ты лучше споешь?

— Нет. Я не хочу петь. Слышала ли ты что-нибудь о Луизе Лато?

— Нет.

Она все еще пыталась уклониться от разговора с ним о священных предметах. Но он не отставал от нее.

— Ты хорошо знаешь образ святого Франциска? На нем изображено, как святому мужу является Богоматерь и он получает стигматы Спасителя.

— Да, знаю.

— Так вот, этой великой милости удостоился не только он, но и многие другие верующие души, особенно набожные женщины.

Тихим, вкрадчивым голосом он начал ей рассказывать о Жанне Деланис, о Маргарите Алакок, о святой Терезе, жизнь которой была благословенна частыми видениями.

Он держал ее руку и чувствовал, как она понемногу сдавалась. Она слушала, и к ней возвращался тот тихий мистический восторг, которым она вся трепетала, сидя у ног священника.

Страх слышался в ее голосе, когда она прошептала:

— Я полна прегрешений. Думаешь ли ты, что я могу спастись?

Он ответил серьезно:

— Да, я так думаю. Послал же Господь дух пророка Илии в душу Пьетро Носклера. Кто знает, быть может, святая Тереза вновь оживет в тебе?

Картина собрания вдруг пронеслась перед ней; она окончательно потеряла покой.

— Рассказывай дальше, — торопливо заговорила она, — расскажи мне о благочестивых женщинах.

Он начал.

— Во времена святой Екатерины Сиенской ей явился однажды Спаситель и сказал: «Я сделаю твою жизнь полной таких поразительных чудес, что невежественные, плотски живущие люди откажутся верить тебе. Я украшу твою душу таким обилием милостей, что само тело почувствует влияние их и будет жить совсем необычным образом». И святая долгие годы, до самой смерти, не пила и не ела: сияние Спасителя одно питало ее. То же было и с Луизой Лато: она питалась лишь святыми дарами и отвергала всякую земную пищу. Каждую пятницу кровоточили ее святые раны на лбу, на левом боку, на руках и ногах. Тогда она созерцала Спасителя. Она видела Его одежды, Его раны, терновый венок и крест; видела Его коленопреклоненным и падающим, видела, как распяли Его на кресте. Но затем, когда она выпускала свои последние вздохи, она увидела

разверстые облака и в море небесного света Отца, заключающего Сына в объятия.

Глаза Терезы сверкали.

— Это, должно быть, прекрасно, — сказала она.

Он кивнул головой.

— Это — высшее счастье, какое может выпасть на долю человека. И удивительнее всего то, что самые ужасные страдания превращаются в высшее блаженство. Чувствуешь ли ты себя способной перенести подобное счастье, Тереза?

Она снова вздохнула:

— Я так полна грехов...

Он перебил ее:

— Есть только один грех против Бога.

— Только один? Какой же?

— *Не быть в Боге.*

Он говорили, и слова его были сладчайшим пением для Терезы. Ее грудь вздымалась, а пред глазами сверкало серебристое сияние.

— Что ты чувствуешь? — спросил он ее.

— Мне кажется, будто душа моя хочет улететь в объятия жениха.

Франк торопливо поцеловал ей глаза и сказал:

— Хорошо. Ты можешь уснуть.

Он быстро схватил ее левую руку и нажал усыпляющий центр у большого пальца.

Несколько секунд она сопротивлялась; затем уснула.

Франк Браун закрыл ей глаза и отложил книги в сторону.

Неподвижно сидел он на кровати и мечтал...

— Это будет! Это должно быть!

Он наклонился над ней, поднял ее голову, подложил под нее все подушки и спросили:

— Ты слышишь меня, Тереза?

Она пробормотала:

— Да.

Он говорил ей на ухо — быстро и повелительно. Часто он повторяли отдельные фразы медленнее и отчетливее. И снова прерывал себя вопросом:

— Ты слышишь меня? И ты сделаешь это?

И всякий раз получался послушный ответ:

— Да.

Иногда на ее губах появлялась улыбка, потом они снова сжимались от страха и ужаса. Он остановился и подумал; затем снова наклонился к ней и повторил в заключение кратко и резко все приказания.

— Теперь я разбужу тебя. Но ты будешь очень, очень утомлена. Твои глаза сомкнутся, и ты немедленно уснешь.

Он слегка подул ей в лицо. Она открыла глаза, взглянула на него и с улыбкой протянула ему руки. Было ясно, что она не сознает сделанного ей внушения. Ее наполовину поднятые руки опустились, глаза сомкнулись...

Она спала.

Франк задул лампу и медленно пошел в свою комнату.

Теперь он не хотел больше думать. Он хотел спать сейчас, немедленно. Закрыл глаза и стиснул зубы.

Он *хотел* спать.

И заснул.

* * *

Из черепа выползали сотни крыс...

Занавес поднят и сцена изображает зал пророка. Здесь и Сибилла, и Пьетро, и Ронхи и другие. Все собрались: ждали своей реплики. Он сидел перед ними в суфлерской будке. Его собственный череп служил этой будкой.

И сотни крыс выскочили из черепа и разбежались по сцене.

Они смеялись, что-то хотели сказать. Потом на него поползли сотни длинных, голых червей. Они лезли в рот, в уши, в глаза, заползали в ноздри...

Он закричал...

* * *

Когда он проснулся, его виски пылали, и кровь молотком стучала в мозг.

— Я болен, — прошептал он. — У меня начинается горячка.

Уснуть уж он больше не мог. Крысы и черви — мысли — все прибывали. От них некуда было уйти: он был наг и бос, и вся его вера разбита вдребезги. Без веры он стал нищим, и все его царство исчезло, как дым.

Еще сегодня он думал, что девушка может повести его за собой. Когда он верил в себя, — весь мир принадлежал ему; а в те часы он верил в себя. Теперь вера пропала. Он думал только о том, что произошло у Американца. Все видели чудо и верили в него. Почему он один не мог уверовать в него? Почему ему были известны сотни таких же исцелений, и он знал, как легко найти им объяснение?

Он знал много чудес, но прекрасно понимал, что управлять автомобилем труднее, нежели совершить все чудеса в мире, вместе взятые.

Он вспомнил о Терезе. Она лежала теперь и спала без сновидений. Но завтра она сделает то, что он приказал...

Еще одной святой больше среди сотен других! Что в этом великого? Разве мало того, что уже есть?

— Нет! Нет! — воскликнул он. — Нужно положить конец.

Браун вскочил и пошел в комнату Терезы. Усевшись на кровати, он стал прислушиваться к ее тихому, спокойному дыханию; потом с силой начал трясти ее. Она проснулась в испуге.

— Тереза! — закричал он.

— Что? — спросонья ответила она. — Что тебе?

— Тереза, ты не сделаешь того, что я сказал тебе. Ничто не должно совершиться — ты слышишь? Ничто!

Она поднялась и протерла глаза.

— Чего я не должна делать? — удивленно спросила она.

Он повторил:

— Ты не должна... — и закусил язык: он забыл, что она не спала!

Он быстро схватил ее руку и нажал нерв.

Она моментально уснула. Повторив настойчиво, что никогда, — ни во сне, ни наяву, — не должно у нее явиться и мысли о том, что он ей внушил, он снова разбудил ее, оставил в постели и вернулся к себе.

Его губы горько опустились.

«Священник сказал бы, наверно, что я сделал доброе дело. Но все мои добродетели — мои тягчайшие грехи, а моими величайшими грехами были всегда добродетели. Ах, если бы я только мог знать разницу между ними!»

Его охватило величайшее сострадание к себе самому...

ЧАСТЬ

ВТОРАЯ

Франк Браун взглянул на измятую постель. Он чувствовал, что уснуть ему больше не удастся.

Машинально натянул на себя платье и спустился с лестницы.

«Куда же идти? Все равно, лишь бы вон из Валь-ди-Скодра».

Войдя в комнату хозяина, он оставил записку: «Я ушел в город», — и решил уйти немедленно, хоть пешком, только бы поскорее отсюда. За вещами можно будет послать когда угодно.

Франк Браун тяжело вздохнул и вышел на дорогу; вскоре он заметил, что сбился с пути: он шел по направлению к Чимее, и ему следовало повернуть обратно. Но ему не хотелось возвращаться.

«В таком случае, я пойду в Чимею», — подумал он и шел все вперед, не оглядываясь. Так он шел несколько часов, то карабкаясь по утесам, то спускаясь в долины. Его лихорадило, ноги болели, при каждом вздохе кололо в груди, но отдохнуть он не мог.

Наступили сумерки; Франк Браун решил сделать последнее усилие и, измученный, продрогший, побежал. Когда уже совсем стемнело, Франк сел на камень и решил дальше не идти.

«Все равно, — подумал он, — буду ли я сидеть здесь или буду бежать. Быть может, кто-нибудь придет сюда».

Далеко внизу он услышал звон колокольчиков: то паслись коровы.

«Нужно спуститься вниз; да — нужно спуститься» — повторял он сквозь зубы.

Он пошел, но ноги с трудом повиновались ему. Наконец, вблизи показались огоньки. Франк постучался в двери первой попавшейся избушки. Его не пустили, но сообщили, что Чимея совсем близко отсюда.

— В таком случае, везите меня к жандарму Дренкеру! — потребовал Франк.

* * *

— Черт побери! Что с вами? На вас лица нет! — с испугом воскликнул жандарм, увидев Франка.

— Да. У меня лихорадка, — ответил последний.

Жандарм помог ему раздеться, дал ему чистую рубашку и заботливо уложил в постель.

Франк Браун серьезно заболел. То его мучила бессонница, то он лежал в тяжелом забытье; и в боку сильно кололо.

Жандарм ухаживал за ним заботливо и нежно, как нянька.

Через несколько дней Франку стало несколько легче: жар спал, колотье в боку прошло, и он уже мог немного ходить. Тогда он рассказал своему хозяину о чудесном исцелении Сибиллы Мадруццо и об исповеди Матильды Венье.

Жандарм вскипел.

— Ах, каналья! И она еще была ребенка!

И Дренкер рассказал о своем приключении с Матильдой Венье.

— Я свалил дурака тогда! — заявил он. — Она держала меня целыми ночами в этой проклятой дыре — Валь-ди-Скодра, а муженек ее тем временем провозил контрабанду.

Он прекрасно знал, что делала его жена, и в обманутых был не он, а я! На собрании у мистера Питера он ничего нового не узнал. Но я расшибу ему череп, посмей он тронуть хоть один волосок на голове ребенка!

Дренкер хотел немедленно отправиться в Валь-ди-Скодра, и никакие доводы Франка, уверявшего, что он может лишь испортить дело, — не помогали. Но его удержала служебная телеграмма: пришлось отправиться в облаву па контрабандистов.

Дренкер вернулся через четыре дня. Франк Браун чувствовал себя совсем здоровым, но жандарм не хотел отпускать его.

Наконец, он как-то утром подошел к его постели.

— Если хотите, поедemте со мною: мне нужно сегодня в город, и я могу подвезти вас.

Франк Браун быстро оделся, позавтракал и отправился в обратный путь.

Итак, он снова возвращался в Валь-ди-Скодра.

Зачем? Он должен уехать оттуда с ближайшей почтой. Уложить вещи — и прочь оттуда! Прочь, прочь, — куда бы то ни было!

Что могло удержать там его? «Охотники на дьявола?»... Как мало они его интересовали! — Тереза? — Ах, Боже, Тереза!..

Подходя к Валь-ди-Скодра, он расслышал еще издали нестройные звуки музыки Американца; но на этот раз шум несея не от дома Американца, а со стороны гостиницы Раймонди. — Что это значит? Уж не устроили ли они процессию?

Франк ускорил шаги.

Действительно, народ толпился у дома Раймонди.

— Что случилось? — спросили Франк.

Никто не обратил на него внимания. Все пели великопостную песнь. Франк вошел в дом. В ресторане на лестнице стояли тесной толпой крестьяне.

— Где Тереза? — спросил он Раймонди. Тот не расслышал, а одна женщина, стоявшая рядом, с ненавистью посмотрела на него и ответила:

— Святая Тереза наверху.

С большим трудом протискался он наверх.

— Пустите меня! — просил он: — пустите, я должен ее видеть!

Наконец, ему удалось добраться до дверей ее комнаты. Она была полна народу; все стояли на коленях, и Франк мог хорошо видеть, что в ней происходило.

Комната была похожа на часовенку. Кроме иконы Богоматери, в ней висел еще образ св. Франциска, перед обоими горели большие свечи. Окно было закрыто и плотно завешено белой материей, спускавшейся в виде балдахина. Под ним, в глубоком плетеном кресле, покоилась Тереза.

Девушка полусидела, полулежала, не спуская глаз с распятия, которое держал перед ней Американец. Белое покрывало окутывало все ее тело; руки лежали на подлокотниках; босые ноги покоились на маленькой скамеечке, возле которой сидел на корточках глухонемой Джино.

И Франк Браун увидел на ее руках и ногах огромные красные раны.

Пьетро Носклер опустился пред ней на колени и с жаром прильнул к кровавым ранам на ее ногах. Его примеру последовали Ульпо и Матильда Венье. Все двинулись к ней, поднялась сильная давка; тогда Джироламо Скуро оттолкнул толпу назад и приказал подходить к святой слева, а уходить направо. Установился образцовый порядок.

Вдруг Франк Браун почувствовал на своем плече чью-то руку: это Анджело принес ему ключи от его комнаты. Проскользнув через толпу, Франк прошел к себе. Здесь все оставалось в том же виде, что и две недели назад.

Он подошел к окну и посмотрел вниз. Толпа стояла стройными рядами и терпеливо ждала, когда ее впустят. Франк ясно почувствовал в этот момент, что здесь произошло что-то великое. Благодаря или вопреки ему — они не знали.

Но здесь случилось чудо, сулившее еще другие чудеса.

Вдруг Франк заметил около дома движение.

Все молча выходили из дома и становились поодаль; глаза их были устремлены на дверь. Оттуда медленно и осторожно выносили кресло, в котором покоилась Тереза. Франк Браун пошел за процессией. Впереди бежали деревенские ребятишки; за ними шел Лючилио Ратти, местный полицейский, а рядом с ним — длинный Скуро; за ними, молча и важно, шли музыканты; потом Пьетро Носклер с двумя старикашками; а дальше восемь парней несли в кресле Терезу, сидевшую с закрытыми глазами, держа в руках распятие; рядом бежал Джино со скамеечкой для ног, держась левой рукой за край платья Терезы. Позади шли женщины и, наконец, шествие замыкали мужчины. Все шли к дому Пьетро.

Франк повернул назад и медленно зашагал к дому.

Он застал хозяина за буфетом, послал его в погреб за вином и попросил рассказать все, как было.

Стаканы были наполнены. Раймонди закурил свою трубку и начал:

— В день вашего отъезда ничего не произошло. Тереза спустилась только немного позже обыкновенного, и я побранил ее. Но она ничего не ответила и, как всегда молча, работала.

— Она не спрашивала обо мне?

— Нет, я сказал ей, что вы уехали на несколько дней, но она не спрашивала куда, и не разу о вас не заговаривала.

Вечером она пошла к мистеру Питеру — там теперь каждый вечер большие собрания, и каждый вечер Тереза присутствует на них. Она вернулась очень поздно. Следующий день протек так же, только она мало работала, а большую часть дня провела у себя и читала. Вечером она опять была у «охотников на дьявола». То же было и в следующие дни — до пятницы. В пятницу она совсем не спустилась вниз, и когда я поднялся к ней в комнату, то застал ее больной, в постели. Я спросил, не могу ли быть ей чем-нибудь полезным, но она в ответ только покачала головой. Днем я послал ей со слугой обед, — она отослала его обратно. Под вечер Тереза послала слугу за Американцем. Тот пробыл у

нее около часа. Когда он сошел вниз, то принялся мне что-то объяснять, чего я не понял; я спросил его, не хочет ли он чего-нибудь поесть или выпить; тогда он начал так кричать на меня, что я вытолкал его в дверь. Минут через 11 он снова вернулся с Венье, Ульпо, Ронхи и еще кое с кем; были с ним также и женщины. Я запер двери, но Джироламо Скуро начал кричать, что он выломает их, что я держу в плену их сестру, и они должны освободить ее. Здесь вмешался Американец и сказал, чтобы я отпер им, так как они хотят взять у меня молоко. Я отпер дверь и дал им молоко. Они тотчас же поднялись к Терезе. Я пошел за ними. Тереза лежала в кровати — было ясно, что она очень больна. Они показали мне ее руки, кровоточившие с обеих сторон, как будто они были проколоты иглами. То же было и с ногами. На следующий день ей стало несколько лучше. Американец с несколькими женщинами убрал ее комнату, и с тех пор он таскает сюда каждый вечер всю деревню. Затем они отправляются к нему, и там Тереза проделывает свои фокусы. По мне пусть делает, что хочет, лишь бы она приводила в дом гостей.

Франк Браун закусил губы, чтобы не выругаться. Раймонди внушал ему отвращение. Франк поспешил подняться наверх и зашел в комнату Терезы. Воздух там был спертый и тяжелый, пахло ладаном и человеческим потом. Вся мебель была вынесена в переднюю; в комнате оставалась лишь кровать, стоявшая у самой двери, и маленький стул возле нее. На стуле Франк заметил несколько книг. Он начал перелистывать их. Было очевидно, что Тереза их очень усердно читала: на полях там и сям были заметки, сделанные ее рукой. Он сел на кровать и задумался. Здесь он сидел накануне отъезда, здесь он влил первые капли яда в ее сердце...

* * *

Часы шли за часами, а Франк Браун все сидел у Терезы на кровати и ломал голову над вопросом: кто был виновником всего происшедшего?

Вдруг он услышал голос и шаги. Франк быстро вскочил и перешел в свою комнату. Войдя туда, он остановился у двери и начал прислушиваться. По лестнице поднимались двое. Он узнал шаги Терезы... Кто же был второй? Они не разговаривали, но он слышал, как они открыли дверь и вошли вместе в ее комнату. Однако, никто не выходил оттуда... Кто был этот другой?

Франк Браун задрожал. Он закусил губу, топнул ногой и большими шагами начал ходить по комнате. «К черту! Что ему за дело до того, кто был другой? Или он ревнует Терезу?»

Франк засмеялся. Затем подошел к письменному столу, зажег лампу и сел. Но долго он не мог вынести такого состояния. Кто мог быть у девушки ночью?

«Пьетро Носклер?!» Кровь ударила ему в виски. «Он? Этот»? Франк горько рассмеялся. Так вот зачем он сорвал с неба все грозовые тучи, — чтобы, скрываясь за ними, этот вонючий сектант мог лизать прелестную девушку своим слюнявым ртом. Вот он, пошлый конец его гордой мечты!

Франк выбежал из комнаты и рванул дверь; она была заперта. Он начал стучать кулаками.

— Отоприте! Если ты не откроешь, я выломаю дверь.

Он услышал слабый шепот, но никто не двинулся в комнате.

— Отоприте! Отоприте!

Ответа все-таки не было. Тогда он надавил обоими плечами на дверь; еще толчок — и дверь отскочила.

В комнате горели две большие свечи. При их свете он увидел Терезу, лежавшую в постели с распятием в руках. На полу у кровати сидел, скорчившись, Джино.

Их взгляды встретились.

— Что тебе нужно? — тихо спросила Тереза.

Франк Браун ничего не ответил. Он вышел, прикрыв за собой, насколько это было возможно, дверь и, шатаясь, добрал до своей комнаты.

Запоздавшее сентябрьское солнце знойными лучами заливало долину. С озера поднимались пары, а от голых скал шло горячее дыхание. Франк Браун все еще жил в Вель-ди-Скодра.

Со дня на день он собирался уехать. Несколько раз пытался он остаться с Терезой с глазу на глаз; она не избегала его, но и не шла навстречу. Почти все время она была окружена «охотниками на дьявола». Глухонемой мальчик ходил за ней по пятам; рано утром являлся Пьетро еще с кем-нибудь; одна девушка, Кармелина Гаспари, целый день не уходила оттуда; к вечеру собиралась деревня, и все, под предводительством Терезы, отправлялись к пророку.

До Франка Брауна, казалось, никому из них не было дела. Инстинктивно, не сговариваясь друг с другом, они сторонились его. В жителях деревни дремала тихая враждебность и скрытая ненависть к нему. Даже дети избегали его. Один Анджело оставался прежним. Но он был «не здешний».

Все знали о его прежних отношениях к Терезе. Их принимали, как нечто вполне естественное; но теперь она была святая, и крестьяне инстинктивно чувствовали, что он осквернил ее. И ненависть их к нему росла все сильнее.

Однажды Франк отправился на собрание к Американцу. Здесь он нашел некоторые изменения. На стенах и столбах висели бумажные щиты со священными изречениями. Вдоль всей задней стены тянулся ряд длинных гвоздей, на которых целыми связками висели плети, кнуты и розги; видно было, что Американец создал целую школу. У той же стены устроены были небольшие подмости из досок, на которых стоял стул Терезы; она сидела на нем с закрытыми глазами. У ног ее сидел Джино, направо сидел пророк, налево стоял старый Ульпо.

Всю левую сторону подмостков занимали музыканты; направо стояла дюжина парней с большими свечами в руках. Впереди их был калека Ратти, отбивавший такт своей саблей.

Когда пение кончилось, вперед выступила Матильда Венье и «поведала свою душу». Затем она толкнула вперед Фиаметту.

Девочка тотчас же взбежала по ступенькам, склонила голову, сложила руки и начала громко молиться. Потом, сначала заикаясь, затем все ровней и быстрее, она стала каяться в своих грехах. Ее вина велика, говорила она, ибо она — не дочь своего отца, а зачата в грехах своей матерью от жандарма Дренкера, пьяницы и грешника, сына сатаны. «Теперь я спасена, — закончила она: — я и мать стоим теперь на пути к Небу и будем до последнего издыхания бороться с дьяволом. Только отец мой еще не вполне спасен, и я прошу вас, мои возлюбленные братья, молиться о том, чтобы он пришел ко Христу».

После Фиаметты исповедовалось еще несколько человек. Когда они кончили, Тереза сделала знак рукой и что-то тихо прошептала. Тогда выступил вперед портной и предложить пропеть в заключение великопостную молитву. Франк Браун не дождался конца и вышел на улицу. Ему хотелось видеть Терезу и поговорить, наконец, с нею. Он стал ждать ее.

Она вышла последняя. Ее окружали женщины. Она была босая и шла, слегка опираясь левой рукой о плечо мальчика. Они свернули направо к дому, где жил Пьетро. Сле-

дом за женщинами вошли в дом несколько мужчин. Последними шли пророк и его слуга.

Франк Браун загородил им дорогу, оттолкнул локтем слугу и схватил за руку Американца.

— Я хочу говорить с тобой, Пьетро,— сказал он ему.

Пророк подозрительно, сбоку, посмотрел на Франка.

— Что вам нужно от меня? Зачем вы вернулись?

— Это не твое дело. Ответь мне лучше: исповедует ли Тереза свою душу?

Американец покачал головой.

— Нет, — ответил он, — зачем святой исповедоваться?

— Она истязает себя? — продолжал расспросы Франк Браун.

— Да.

— А вы, вы тоже бьете ее?

Мистер Питер энергично замотал головой.

— Мы? Мы могли бы бить святую?

За этот ответ Браун готов был обнять Американца.

— А что она делает сейчас у тебя?

— Я не знаю, — прошептал Пьетро.

Франк Браун поднес кулак к его глазам.

— Говори, собака! Если ты не скажешь, я раскрою тебе череп.

Пророк задрожал.

— Я не знаю, право, не знаю, — забормотал он. — Она в первый раз пошла сегодня ко мне. Она вдруг сказала нам, что хочет уйти от людей. Тогда я предложил ей пойти ко мне в дом. Она согласилась — вот и все.

Франк видел, что Пьетро не лжет.

— Я пойду с тобой туда, — сказал Браун. Американец с ненавистью взглянул на него, но не посмел возразить.

Они вошли вместе. У задней стены, около печки, сидела Тереза, рядом с ней помещался немой мальчик. Все остальные стояли поодаль, как будто исполняя волю святой. Первой мыслью Франка было прямо подойти к ней и заговорить, но он видел, что глаза ее вперились в пространство и что душа ее была далеко от всего, что делалось вокруг. Франк сел у окна, оперся на руки и начал наблюдать.

Никто не произнес ни слова; все ждали чего-то, что, по-видимому, должно было сейчас произойти.

Тереза крепко держала распятие, но глаза ее смотрели далеко вперед через него.

Затем блаженная улыбка заиграла на ее губах; она медленно встала, крест выскользнул из ее рук; казалось, она видит Бога. Она опустилась на колени, сложила руки, подняла их к небу. Долго оставалась она в таком положении.

Франк Браун не спускал с Терезы глаз и следил за каждым ее движением. Для него было несомненно, что она видит кого-то, недоступного другим.

Яркая радость светилась на лице девушки. Все ее существо выражало восторг и упоение; грудь ее высоко вздымалась от блаженного трепета объятий.

Она стояла на кончиках пальцев, едва касаясь земли. Казалось, она парила в воздухе, все в ней тянулось вверх, уносилось в небу. И тихо шептали ее губы: «Дайте мне унести к вечному блаженству».

В этом было уже что-то нечеловеческое. Широко открыв глаза, Франк Браун упивался этим дивным образом. Словно рубины, светились капли крови на белом лбу Терезы, черные кудри рассыпались по ее голым плечам...

— Ах, если б я был художником!— прошептал Франк Браун.

Но вдруг, без всякого перехода, Тереза грохнулась на пол. Снова она корчилась в страшных судорогах, дико размахивала руками и ногами и кричала в ужасном пароксизме. Затем, поднявшись на колени, издала ужасный крик и вырвала огромную прядь волос из своей головы.

Невыносимый ужас, дикое отчаяние отразились на ее лице, и она закричала: «О пропасть! пропасть!». Она вся съежилась, поползла на четвереньках в угол и забилась там, как загнанный зверек.

И снова к ней вернулась жизнь. Она открыла глаза, щеки ее порозовели, и улыбка осветила лицо.

Франк Браун приблизился к Терезе.

Опустив голову на руку, Франк любовным взглядом ласкал девушку, еще пребывавшую в экстазе. — Он завидовал ей...

* * *

Тереза все еще лежала неподвижно. Мужчины и женщины, успокоившись несколько, группами стояли и сидели, тихо перешептываясь.

Вдруг девушка зашевелилась и удивленно взглянула вокруг.

— Здесь? — тихо спросила она.

Все бросились к ней. Матильда Венье — первая ответила ей:

— Да, сестра, ты теперь с нами. — А где ты была?

Но Тереза не отвечала. Она казалась ослабевшей и утомленной.

Вдруг взгляд ее упал на Франка Брауна.

— Ты здесь? — спросила она. — Поди сюда.

Она сказала это спокойно и мягко, но тоном, в котором чувствовалось, что она привыкла, чтобы ей повиновались. Франк Браун почувствовал это и не двинулся с места.

Тогда она тихо сказала:

— Приведите его сюда.

К нему бросились несколько человек. Он повернулся на каблуках а направился к двери, но Скуро загородил ему дорогу:

— Вы должны пойти к ней! — твердо сказал он ему.

Франк Браун стоял растерянный и нерешительный.

Ничего иного не оставалось делать, как подчиниться. Если оскорбленная гордость и гневное презрение могли его сделать господином над каждым в отдельности, то все вместе они все же могли заставить его остаться.

Франк закусил губы и молча приблизился к Терезе.

— Ты был здесь все время? — спросила она. Он молча кивнул головой. — Что здесь было?

Ее вопросы оскорбляли его: как будто она чинила ему допрос. И, несмотря на это, он ей ответил:

— Ты была в экстазе.

Она помолчала секунду, потом тихо сказала:

— Да.

Франк ждал; но она медлила и тогда он резко спросил:

— Чего тебе нужно от меня? Я хочу уходить... слышишь? Оставайся одна со своим пророком.

Она сразу вскочила и одним прыжком очутилась около него; ее горячее дыхание касалось его лица, взгляд ее глубоко вонзился в него.

— Или ты уже забыл, кто меня водил к нему?

Франк принял вызов.

— Это был я! — громко воскликнул он. Посмотрев в сторону и увидев рядом с собой Американца, он рванул его за руку и поставил перед собой.

— Это был я! — резко повторил он. — Я сделал пророком Пьетро Носквера, а тебя — святой. Я играю вами, как куклами. Вы — мои произведения: глыбы глины, в которые я вдохнул жизнь.

Тереза смотрела на него, как бы читая его мысли.

— Ты хочешь уйти? — спокойно спросила она.

— Тебе нет дела до того, остаюсь я или ухожу. Но, раз ты спрашиваешь, могу ответить тебе: послезавтра, в два часа дня, я уезжаю с почтой.

Она спокойно улыбнулась.

— Почта уйдет послезавтра, но ты не уедешь!..

Она повернулась к присутствующим и, повысив голос, приказала:

— Вы слышите? Он не должен уезжать. Передайте всем в деревне, что он не может уехать!

Франк схватил руку Терезы и начали ее трясти:

— Что? — закричал он. — Я не поеду? — Нет, я поеду!

— Пусти руку, ты делаешь мне больно, — сказала она и вновь повторила: — Нет, ты не уедешь. Ты принадлежишь мне.

Франк рассмеялся ей в лицо.

— В самом деле? А я все время думал противное.

Она спокойно взглянула на него.

— Замолчи лучше. Что ты хочешь сказать: что я была твоей любовницей?.. Кому ты это скажешь: мне? — я это знаю. Другим? — Но в деревне это каждому известно.

Я лежала в твоих объятиях — и не отрицаю этого; не отрицаю и более важного: что это ты указал мне путь, ведущий к Богу. И Пьетро так же, как и я, не станет этого отрицать. Скажи это ему сам, брат...

Американец помедлил немного, затем громко начал:

— Да, он указал мне дорогу.

— Ты слышишь? — сказала Тереза. — И я тоже скажу, что ты сделал. Ты водил меня к пророку, хотя знал, что я не хотела этого; ты говорил мне о вещах, о которых я раньше ничего не знала. Мы хорошо знаем, что Бог послал тебя! Но мы знаем также, что ты сам не веришь в Его мощь. Ты был лишь орудием, но считал себя мастером...

Ее слова звучали пророчески.

— Труден путь, усеянный терниями и камнями. Шипы колют босые ноги, и кровь бежит яркими струйками... А я продолжаю идти, и сверху льется яркий свет. Туда стремится мой взгляд, не замечая змеи, ползущей меж камней. Она должна ужалить меня, но ноги несут меня все выше, выше!.. Эта змея — ты! Ты ужалил меня. Но вот кончено последнее мучение; плоть побеждена, и душа блаженно упивается, а ты стоишь там внизу, смотришь сюда, и червь обиды пожирает тебя... И вечно ты будешь пресмыкаться на этой грязной земле, бродя по всеми странам одиноким, без друзей.

Вот ты бежишь и несешь на своих плечах вечную смерть... через моря и горы, через глубокие долины и далекие равнины... Вон я вижу тебя — ты сидишь в отдалении, и белый мрамор отбрасывает солнечные лучи. Кругом возвышаются огромные дворцы, а ты неподвижно устоялся в землю. Кто-то назвал твое имя... ты слышишь мой голос. А тучи закрывают солнце...

Он схватил ее руки.

— Дальше, Тереза, скажи, что ты видишь еще?

— Я не знаю... не знаю. О, как я устала! Проводите меня домой. Покойной ночи, братья! Покойной ночи, сестры! Молитесь обо мне.

Франк Браун медленно направился к выходу.

Весь дом был окружен крестьянами.

Под его окнами стоял Скуро. Они посторонились и дали ему дорогу.

— Итак, вы пускаете меня в дом, но выйти я не имею права?

— Нет, вы можете и выходить куда угодно... в деревню или в сады, даже на озеро... Только за вами будет следовать двенадцать человек...

Крестьяне сдержали слово. Они окружали его дом по ночам, сменяя друг друга каждые три часа. Несмотря на это, Франк мог бы легко ускользнуть. Но что-то удерживало его здесь: не то любопытство, не то алчная потребность дожидаться чего-то, что должно случиться. Он не мог найти покоя: то катался по озеру, то ходил по садам; потом снова часами валялся в траве и мечтал.

Никто из стражи не разговаривал с ним; это его мучило: ему нужен был кто-нибудь, кто бы его слушал.

Тогда он прибег к маленькой хитрости.

Каждый раз, когда вся деревня приходила к святой, он уходил из дому. Он устраивал тогда самые дикие прогулки, мчался, как пуля, по долине, и парни гнались за ним. Тогда к нему приставили самых ловких крестьян. Это лишило их возможности присутствовать на собраниях и бесило их всех, особенно Ульпо.

Однажды Франк предложил Ульпо такое условие: он будет ходить с ними на собрания, когда им угодно, так что им не придется бегать за ним по пятам, но они за это должны отвечать на его вопросы.

Парень не знал, что сказать. В это время вышла Тереза.

— Святая сестра, — заявил ей Ульпо, — господин хочет пойти на собрание...

— Пусть придет, — ответила девушка.

С тех пор Франк вечера проводил на собраниях мистера Питера, а днем разговаривал со своей стражей.

Пророк сделал некоторые особые приготовления к новой битве. На этот раз Франк Браун сильно опоздал. Молитвы, пение и исповедь приходили уже к концу. Пророк встал и благословил вино. Все теснились около чаши и жадно глотали напиток.

Франк Браун взглядом окинул собрание. Здесь были все, кроме Раймонда со слугой и старой Сибиллы Мадруццо.

Франк вспомнил, что не видел ее последние дни на собраниях. Не заболела ли она?

Наконец, Ронхи ударил о пол палкой, и началась музыка. Музыканты и хор трижды исполнили великопостную молитву, после чего им стали подтягивать все остальные.

Они ударяли в ладоши и отбивали такт ногами. Пение становилось все учащенней и принимало все более дикий и возбужденный характер.

Тогда пророк встал и обратился с речью к присутствующим. Он сказал, что нужно бороться с сатаной истязаниями.

Двенадцать парней поставили на пол свечи, сбросили пиджаки и рубашки и сняли плети, розги и кнуты. Затем они разом подняли руки, музыка заиграла, и плети опустились на голые спины; никто не бил сам себя, каждый опускал свою плеть на тело другого.

Тереза приподнялась на месте, чтобы не упустить ни малейшей подробности этих истязаний.

— Бейте сильнее! — кричала она. — О, раны! Раны... Раны!

Другие присутствующие также бросились на подмости, разделись и смешались с первыми.

Матильда Венье была первой из женщин, вступившей на подмости; за ней поднялись еще несколько. Возле Терезы раздевался Джироламо Скуро. Он свернул в узелок рубашку и пиджак и сел на него; потом он снял сапоги, встал и спустил штаны. Совсем голый, он снял со стены

плети и начал стегать налево и направо: куда попадала его плеть, там кожа срывалась кусками.

Тереза смотрела нерешительно вокруг себя. Вдруг взгляд ее упал на Джино, забравшегося под ее стул, когда хватали детей; здесь его никто не заметил. На его теле не было ни капельки крови; оно было нетронуто, без единого пятнышка.

Глаза Терезы засияли.

Она сделала знак мальчику, который выполз из-под стула и ласково прижался к ней. Она взяла его на руки, подняла и горячо поцеловала, затем усадила его на стул, а сама стала перед ним на колени.

— Хочешь ли ты отдать свое тело за Того, Кто умер за нас на кресте? — громко спросила Тереза и пальцами пояснила глухонемому ребенку, о чем его спрашивает. Мальчик понял слова ее, но не понял их смысла. Он почти радостно кивнул головой.

Тогда Тереза снова заключила его в свои объятия и покрывала лицо мальчика горячими поцелуями.

— Джино умрет за вас! Его избрал Господь! — Она поднялась, держа на руках мальчика.

— Подайте мне гвозди и молот!...

Ронхи принес ей полную горсть больших, длинных гвоздей и тяжелый молот.

Тереза взяла за руку мальчика и опустилась с ним вместе пред иконой Христа. Тотчас же пророк упал на колени, а за ним и все остальные.

Тереза показала мальчику мягким, нежным прикосновением, чтобы он лег на спину. Она распростерла в обе стороны его руки, ладонями кверху, и скрестила ему ноги. Джино лежал веселый, словно играя, не подозревая, что с ним сейчас случится. Тереза поцеловала открытую ладонь мальчика и сделала знак слуге.

Скуро взял молот и, став на колени, приставил длинный гвоздь к руке мальчика. Джино мгновенно отдернул руку и обнял Терезу, которой удалось успокоить его; она целовала и ласкала мальчика и снова вытянула его руки в

обе стороны. Она еще ниже склонилась к ребенку, так что он видел только Терезу.

Окончательно успокоенный, мальчик позволил Скуро прижать к земле его левую руку. Тереза слегка повернула голову и, увидав, что гвоздь касался середины ладони, закричала: — «прибей!», — затем с криком бросилась на тело Джино, целуя его и впиваясь зубами в тонкие губы ребенка. Молот опустился и прикрепил к полу детскую руку.

Мальчик правой рукой оттолкнул Терезу, жалобно закричал и старался подняться. Невыразимый ужас был на его лице; своими слабыми силенками он хотел вырвать левую руку, но попытками этими лишь усиливал свои страдания.

Святая вскочила, грудь ее часто вздымалась. Матильда Венье крепко держала мальчика за ноги. Скуро схватил его правую руку.

— Кончайте скорее! — кричала Тереза. — Кончайте скорее! Скуро, разбей ему череп!

Рука Джироламо тяжело опустила молот на голову мальчика...

Тереза на коленях подползла к своему стулу, сложила руки и долго молилась. Голова ее бессильно опустилась. Все тело конвульсивно вздрагивало.

Маленький трупик был отнесен в угол, где лежали все свечи. Снова заиграла музыка, все снова запели песнь. А пока они пели, чаши наполнились вином.

Франк Браун встал со скамьи. У него так болела голова, словно он сам получил удар, разmozживший голову мальчику. Шатаясь, как пьяный, он вышел на улицу подышать свежим воздухом... Он видел людей, идущих с собрания в одиночку и группами. Они не говорили между собой ни слова, ни разу даже не пожелали друг другу спокойной ночи. Они шли с своими детьми, избитыми и иссеченными, но все же живыми! — и Франку Брауну казалось, что в этот вечер они больше любили своих детей и нежнее прижимали их к себе.

Только Джино остался там; маленький глухонемой пастишок, дитя деревни, он не имел ни отца, ни матери, ни-

кого, кто позаботился бы об его бедненьком, худеньком тельце.

«Бедный маленький мальчик!» — подумал Франк Браун.

Последними вышли пророк и его домочадцы. Кармелина Гаспари делала усилия, чтобы поддержать Терезу, но сама не выдержала и свалилась наземь. Скуро хотел заметить ее, но при его приближении Тереза вскрикнула и оттолкнула его. Ее поддержал Американец.

Медленно передвигая ноги, они пошли к дому.

Франк Браун встал и пошел по пустынным, безлюдным улицам. Придя домой, он выглянул из окна своей комнаты: в этот вечер за ним не было стражи.

Он разделся и лег. Однако заснуть не мог: события последнего вечера проносились перед ним.

Почему он не вмешался, когда Тереза призвала детей? Когда ее плоть рассекала до крови маленькие, тщедушные, голые тела? Когда она искусала губы Джино? Когда Скуро, эта пьяная скотина, пригвоздил ручку ребенка? Что его удержало?

— Это ни к чему не привело бы, — сказал он со вздохом. — Что мог я один сделать против всей этой массы безумцев? — Франк прекрасно сознавал, что лжет самому себе. Нет, не страх удержал его, а нечто другое. Его удержало на скамье вечное проклятие отцов, которого не мог избежать ни один смертный... Его удержала всепокоряющая власть крови...

На следующий день Франк поздно сошел вниз.
Хозяина нигде не было. С трудом он дозвался слуги.

— Где хозяин? — спросил Франк.

— В городе.

— Уехал или пешком?

— Нет, с почтой. Сегодня почтовый день.

— Почему же ты мне не сказал? Я бы тоже поехал...

В эту минуту раздался пронзительный рожок автомобиля.

— Когда он вернется назад?

— После обеда. Солнца уж не видать, но еще совсем светло.

— Прекрасно. Значит, он возвращается около 5-ти часов. — В 4 часа, когда солнце будет там, над Монте-Алмего, ты снесешь мой сундук на шоссе... Но ты должен сделать так, чтобы никто тебя не заметил. — Вот тебе 10 крон... когда я буду в экипаже, — ты получишь еще столько же...

Франк медленно пошел по деревне. Нигде не видно было ни души; пустынной и вымершей казалась деревня. Только у ручья он заметил кого-то; то был Джиованни Ульпо, который усердно растирал грудь и спину каким-то зловонным салом. Его рубашка, выстиранная в ручье, сушилась тут же на дереве.

— Почему никого нет на улицах?

— Все сидят теперь дома: готовятся и надевают праздничные платья.

— Разве сегодня праздник?

— Да, — ответил спокойно Ульпо. — Праздник Терезе. Она взойдет сегодня на небо.

— Что же будет?

— Не знаю. Сначала похоронят Джино. Будет процессия. Больше я ничего не знаю.

Франк Браун повернулся, намереваясь уйти.

— Ах, да. Вы что же, забыли меня? Или пророк снял с меня охрану по случаю торжественного дня?

Ульпо с ужасом посмотрел на Франка. В одну секунду он вскочил и, не говоря ни слова, побежал в дом пророка.

— Я сделал большую глупость! — подумал Браун.

Когда он вернулся домой, под его окном стояли Ульпо и еще пять парней. Они были усталы и разбиты, но взгляд их показывал, что они не собираются оставить свой пост.

* * *

Франк Браун поднялся к себе. В первый раз он почувствовал страх: «Что если ему не удастся уйти?»

В это время к нему постучали. В комнату вошли Ульпо и Пасколь.

— Что вам угодно? — спросил Франк вошедших.

Они просили его пойти на похороны.

— Нет, я не пойду! — воскликнул было Франк, но потом одумался: похороны могли представить удобный случай затеряться в толпе и — скрыться. Он согласился...

Парни вышли. Франк бросился на кровать и стал обдумывать план бегства. Ему стоило огромных усилий заставить себя спокойно думать. Он решил во время погребения стать возможно дальше от центра и затем постепенно, шаг за шагом подвигаться назад ближе к выходу с кладбища; когда же все запоют или начнут истязаться — он быстро ускользнет.

В этот момент он услышал на лестнице шаги. Ульпо пришел за ним. Франк наскоро умылся холодной водой, несколько успокоился и сошел вниз. Перед домом стояли 12 парней с Ратти во главе. На каждом из них был накинута кусок холста с дырой посередине для головы; в руках они держали по большой свече. Во главе шел Ратти с шашкой наголо, за ним шли в ногу остальные; Франк Браун шел посередине между Паскалем и Джиованни Ульпо. Они шли сначала к пророку.

Все окна большой комнаты были плотно завешены, только несколько свечей слабо освещали ее; в заднем конце на двух стульях стоял маленький, коричневый гробик, в нем лежал, весь в белом, бедный Джино. Его лицо было умыто, только волосы местами слиплись от крови; руки его были спрятаны под холстом.

В комнате было много народу; мужчины и женщины были облачены в белый холст. Все молча, как белые тени, двигались взад и вперед.

Из-за двери донесся шепот — и в комнату вошли Венье, Скуро и еще несколько человек; за ними шел Пьетро Носклер. Этот последний выглядел очень комично. Он был в ярко-красном плаще, небрежно заброшенном за левое плечо.

Сверху на нем был надет женский пояс, на голове красовалась большая бумажная корона, обклеенная золотой бумагой; в правой руке пророк держал короткую палку, густо обвитую ветвями — она должна была изображать скипетр.

Пророк медленно приблизился к гробу, постоял там некоторое время и обернулся назад. В эту минуту пришла вниз Тереза. На ней был тот же плащ, что и вчера, покрытый пылью и грязью и почерпавшими пятнами крови; по видимому, она не снимала его всю ночь; волосы ее рассыпались, на голове была такая же корона, как и у пророка. Глаза ее были закрыты, губы шевелились, шепча молитву, она двигалась медленно и с трудом, словно падая под тяжестью страданий. Подойдя к гробику, она опустилась перед ним на колени и положила на него голову и руки.

Пророк выступил вперед и едва слышно стал говорить о жертве, о спасении души и вечном блаженстве; затем он опустился на колени рядом со святой; все тоже опустились на колени и молча молились...

Первым поднялся пророк; две девушки помогли встать Терезе; она положила им на плечи руки и смотрела, как Венье и Альвасси взяли и вынесли гробик. Процессия тронулась. Все шли босиком и с непокрытыми головами, у каждого в руке было какое-нибудь оружие. У одних были прутья и плети, у других — длинные вилы и топоры.

Кладбище спускалось по склонам горы узкими террасами; на нижней зияла свежая могила, предназначенная для Джино. Паскаль прыгнул в нее, и ему подали туда маленький гробик.

Пророк выступил вперед, но не успел он ничего сказать, как Тереза громко спросила:

— Имеете вы крест для Джино?

Все переглянулись, а портной покачал головой:

— Нет, никто не подумал об этом.

Святая оглянулась вокруг и обратилась к представителям общины:

— Вы должны сделать крест, большой — больше, чем какой бы то ни было на кладбище.

Ронхи сказал ей:

— Ладно, сестра, мы сделаем завтра.

Но она резко воскликнула:

— Нет, не завтра, а сегодня должны вы сделать его! Сейчас же!

И Скуро, Альвасси и Ронхи пошли делать крест.

Тем временем Ратти выстроил около могилы своих певцов; они запели и все присоединились к их хору. Затем пророк опустился на колени для тихой молитвы, его примеру последовали все остальные.

Скуро с товарищами вернулись, положили на землю крест и, опустившись на колени, начали молиться. Пророк поднялся, молча благословил могилу, снял корону и бросил на гроб три горсти земли; святая тоже взяла горсть земли и поцеловала ее.

— Джино теперь счастлив, — прошептала она: — он навеки у Бога.

Она бросила землю и, рыдая, опустилась на колени. Все подошли к могиле и бросали на нее горсти земли; образовался маленький холмик. Снова запели — и пророк прочитал тихую молитву.

Затем все направились к обычному месту собраний — их второй родине.

Проходя мимо церкви, святая рванулась и громко спросила:

— Где крест?

Несколько человек бросились обратно, Тереза же поднялась по лестнице церкви. На верхней ступеньке она остановилась и громко воскликнула:

— Ликуйте и радуйтесь! Пусть заиграет музыка!

Музыканты поднялись на лестницу и заиграли; но плясать никто не решался: что им казалось естественным при свете факелов в темном сарае, — стало для них невозможным при светлом сиянии солнца.

Святая заметила это.

— Принесите вина и медные чаши.

Тотчас принесли пять корзин вина.

— Налейте! — приказал пророк.

И этот напиток придал им новые силы и превратил для них палящий летний день в самую темную ночь.

— Пляшите! — воскликнула святая. — Ликуйте и пляшите!

Вино и музыка действовали. Все побросали оружие и плети и, взявшись за руки, образовали несколько кругов, один около другого; внутри стали пророк, святая и Ронхи; направо кружились первый и третий, пятый и седьмой круг мужчин; налево — все женщины.

Воодушевление толпы все росло и росло.

Уже многие падали, изнемогая, а круг замыкался все тесней и тесней... пляска продолжалась. Пьетро Носклер вступил в круг и это придало танцующим новые силы; он схватил за руку Венье и Корцаро и закружился в безумном

хороводе, затем отпустил их, начал сам кружиться; все делали то же.

Вдруг пророк внезапно остановился посреди бешеного танца.

— Небо разверзлось! — воскликнул он.

Все стали на колени. Слово ужаса прошел по общине... Вдруг вскочил на ноги молодой Ульпо; кровавая пена выступила на его губах; частыми шагами он подбежал к святой, опустился перед ней на колени, откинул голову назад и начал рассекать руками воздух. Начав говорить хрипло и тихо, он дальше говорил все громче, произнося слова со стоном и хрипом.

Впрочем, Ульпо не говорил — слова выходили сами, в одиночку, откуда-то из глубины глотки вместе с пеной и кровью; и язык был какой-то чужой.

Франку Брауну казалось, что он слышит греческое слово, потом испанское, но не успел он еще разобраться в слышанном, как вдруг взгляд Ульпо упал на него. Внезапный ужас отбросил Ульпо назад, казалось, перед его глазами открылась пропасть. И медленно, звонко, отчетливо заговорил Джиованни Ульпо по-латыни стихи из «Откровения», голосом, каким никогда не говорил, указывая на Брауна. Франк видел, что никто не понял этих стихов, даже сам говоривший; — это было спасение. Иначе они бы разорвали его!

Тереза коснулась Ульпо своей одеждой. Она подошла к нему и подняла его с земли.

— Что видел ты, мой брат? — спросила она.

— Земля покраснела от крови, — забормотал Джиованни. — А зверь живет; он — пасть ада. Пасть широко раскрыта и хочет нас проглотить.

— Он прав! Джиованни Ульпо прав! — вскричала Тереза. — Ад хочет нас проглотить!

Тереза простерла вперед руки.

— Пророк видел небо отверстым, а с ним и Матильда Венье. Готовы ли вы, чтобы бороться с властью сатаны?

— Да! — закричали они. — Веди нас. — Они снова схватили оружие, готовые в каждый момент напасть на врага.

Святая остановилась посреди площади; по ее знаку заиграла музыка. — «Тебе Бога хвалим!» — играла она. Она приказала созвать всех.

— Братья и сестры, вы победили! — кричала она. Она прислушалась и повысила голос: — Слышите? Слышите? Там играют небесные хоры!

Тереза продолжала:

— Целуйте друг друга, братья и сестры! Час великой жертвы настал! — Она подошла к пророку, положила обе руки ему на шею и поцеловала в обе щеки; потом поцеловала Ронхи, Ратти, всех женщин. К ней подошел также Скуро. Она помедлила минуту, затем, подняв обе руки, обратилась к нему:

— Поцелуй меня, брат...

Все подходили к ней и пророку. Каждому она подставляла лоб и щеки. Вдруг она вырвалась из их объятий.

— Спешите, спешите! — воскликнула она, — чтоб знаменье исполнилось.

Потом снова обняла своих женщин, поцеловала их и омочила теплыми слезами их щеки.

— Прощайтесь со мной, прощайтесь!

— Где крест? Принесите его сюда.

Скуро принес его. Тереза подошла к кресту и слегка провела рукой по поперечине.

— Слушайте, братья и сестры: вы должны распять меня!

Они стояли вокруг святой, немые и оцепенелые, с раскрытыми ртами. Казалось, в этих головах, привыкших все воспринимать без всяких сомнений, зародилась мысль о сопротивлении.

— Вы сделаете это?

Никто не отвечал.

— Или вы малодушны? Вы хотите, чтобы я своими руками пригвоздила себя ко кресту? — Она схватила руку слуги. — Джироламо Скуро, ты это сделаешь?..

— Хорошо, святая госпожа!

— Святая сестра, — бормотал великан.

— Святая сестра!..

— Ты это сделаешь! Тебя поглотит ад, если ты от этого откажешься... Ты должен, Джироламо Скуро!

— Хорошо, святая госпожа!

— Я знала это, — тихо сказала она, — я знала, что твоя рука пригвоздит меня ко кресту...

Она взяла его огромную, страшную руку и смиренно поцеловала ее... и медленно, размышляя и колеблясь, она прошептала:

— И все-таки... я не хочу умереть... от этой руки...

Франк Браун слышал каждое слово.

Он стоял на лестнице, почта не в силах шевельнуться.

«Она принесет себя в жертву; она будет висеть на кресте для спасения душ своих братьев. Она, — Тереза Раймонди, — его возлюбленная... которую он целовал горячими, жадными губами, которую он целыми ночами держал в своих объятиях... Она будет висеть... там... на кресте...» Он не мог этого постигнуть и провел рукой по глазам. Он не грезил: процессия готовилась в путь.

Франк ужаснулся; что-то стеснило ему грудь, ему не хватало дыхания; он сжал кулаки...

Так вот конец его игры?

Он был беспомощен, бессилен — бедный, жалкий червяк! Зато его произведения, его куклы жили и выросли до гигантских размеров, шли высоко над ним и разверзали небеса...

Вон отсюда! Вон!..

У него не хватило сил терпеть дальше. Он вышел, шатаясь, и направился к дому. Пока его можно было видеть, он шел медленно, чтобы не бросаться в глаза; но невольно его шаги участились, стали быстрее, торопливей — он побежал...

Вдруг он услышал громкий крик:

— Держите его! Ловите чужестранца!

Это был голос Терезы — и ее голос пригвоздил его к месту; он не в состоянии был сделать ни шага.

— Ловите чужестранца! — сказала она.

Это он был «чужестранец».

Тереза так его назвала!

Шесть парней подбежали к нему и он, не сопротивляясь, пошел с ними к святой.

— Следите за ним, — тихо сказала она. — Бог хочет, чтобы он присутствовал при моей смерти.

Его охватила ярость.

— Бог хочет, а... — но он не окончил фразы.

Вдруг, в одно мгновение его горячий мозг родил новую мысль... О да, это было легкое, великое спасение!.. Почему он ни разу не подумал об этом?.. Ах, он мог бы многое предупредить: смерть и Джино, и Жиованни Ульпо!

Слишком поздно для них, но все же достаточно рано для Терезы!..

Он быстро приблизился к ней, взял ее руку и нажал нерв (*Maus des Daumnes*). Вот эта точка, которая сделала ее рабой его желаний. Он с силой нажал на нее... Она не отдернула руки. Спокойно и удивленно смотрела она на него.

— Что тебе нужно? — спросила она.

Его охватила дрожь,

— Я... я... — пробормотал он.

Быть может, он ошибся? Быть может, то была другая рука?

Он взял правую руку и нажал в этом же месте.

Она не опустила глаз.

— Что тебе нужно? — вновь тихо спросила она.

В глазах Франка потемнело.

Его власть исчезла, разбита! Жалкий, несчастный стоял он перед ней — она была свободна!

— Иди к черту! — хрипло прошептал он.

Альвасси схватил его правую руку, Корпоро — левую.

Процессия тронулась...

* * *

Они медленно тронулись по широкой улице, сначала спускавшейся к озеру, а потом поднимающейся в гору. Рон-

хи все время не отрывал глаз от святой. Его черные глаза сверкали от благочестивой любви и горячего восторга. И когда музыка затихла, он вдруг громко запел литию. Все хором подхватили его пение. Святая опустилась на колени и — молилась. Потом она поднялась со спокойной улыбкой.

— Распустите мое платье, — приказала она женщинам, — а ты, брать Ронхи, сделай для меня венец из шипов.

Ронхи постоял немного, потом быстро удалился. Но женщины мешкали; они медленно спустили с плеч святой сукно и открыли ее грудь.

Ронхи принес ей венок.

Она сняла золотую корону, поцеловала шипы и крепко надвинула ее на лоб, покрытый кровавыми ранами.

Она поцеловала женщин, легла на крест, закрыла глаза, сложила руки и начала молиться.

Франк Браун стоял подле нее; уйти не было возможности; его стерегли. Он с ужасом закрыл глаза. Нечеловеческих усилий стоило ему отвлечь мысли от происходящего здесь; он едва мог удержаться от крика...

Тереза подняла глаза.

— Вы готовы?

— Да, святая сестра.

Она кротко улыбнулась.

— Тогда начинайте. — Она сделала знак слуге.

— С чего начать? — спросил ее Скуро.

— Сперва приберей ноги.

Слуга выбрать гвоздь подлинней, с огромной головкой и попробовал зубами конец.

Он приставил гвоздь и подняли молот, но вновь опустил его. Рука его дрожала.

— Чего ты ждешь? — спросила святая.

— Святая госпожа... — прошептал он.

Он выпил вина, поцеловал раны на ее ногах, тяжело вздохнул и поднял молот...

Она улыбалась смиренно; но пальцы крепко вцепились в дерево...

Она поблагодарила Скуро.

— Теперь левую руку, — приказала она.

Он повиновался.

— Теперь правую...

Он вставил гвоздь в рану и ударил молотком.

— Благодарю тебя, брат мой, — сказала она. — Теперь передай свой молот пророку.

— Что мне делать? — спросил ее пророк.

— Ударь покрепче в гвоздь на левой руке.

Пророк опустился на колени и исполнил приказание святой. Она призвала Ронхи и женщин и требовала, чтобы они приколачивали ее. Все брали топоры...

— Теперь поставьте крест!..

Датти и Альвасси опустили конец его в землю; остальные подняли и стали медленно опускать его в яму, пока не стал совсем прочно.

Все смотрели на распятие, теснились друг к другу, и глубокое беспокойство охватило их. Пророк приблизился к кресту.

— Что же нам делать, святая сестра?

— Молитесь!

Все опустились на колени...

Франк Браун взглянул на Терезу. Она была прекрасней, чем когда бы то ни было. Ее голова склонилась на левое плечо; длинные черные кудри рассыпались по обеим сторонам; венок из шипов обрамлял ее лоб, бросая на землю коралловые капли.

Раны на руках и ногах вскрылись, и тонкие струйки красной крови текли из них. Франк думал:

«Как долго она еще будет висеть, пока смерть освободит ее наконец?»

Тихая улыбка замерла на губах святой; лицо ее окаменело; капелька крови вытекла из ее рта и упала вниз.

— Ах, если бы она умерла, — шепнул Браун.

Она беззвучно, неподвижно висела на кресте... Шли минуты, быть может, часы... Для Брауна прошла вечность...

Все смотрели вверх.

Скуро, чтобы видеть, сделал шаг в сторону, но поскользнулся, и Тулио Трамонте, потеряв равновесие, упал с его плеча.

Франк Браун вскрикнул: он боялся, как бы юноша не увлек за собой распятую... Но Тулио слегка лишь задел ее и сорвал с нее белый покров.

Франк посмотрел на нее... Она была беременна. Под сердцем она носила ребенка... *Его ребенка! Его ребенка!* Они вскрикнул, оттолкнул всех, стоявших впереди, и бросился к кресту.

— Тереза! Тереза! — вскричал он.

Но она молчала. Глаза ее были закрыты и голова изнеможенно опустилась на грудь.

Он схватился обеими руками за крести и начал трясти его.

— Тереза! Тереза! — кричал он.

Святая очнулась и медленно открыла глаза.

— Кто звал меня назад на землю, брат Пьетро? — спросила она.

Пророк указал рукой на Франка.

Огромным усилием воли она подняла кверху голову; губы беззвучно зашевелились.

Потом, опустив глаза, она взглянула на Франка.

— Ударь меня копьем!

Франка схватили. Он отбивался, кусался, но они обхватили его тело и ноги и держали крепко. Скуро дал ему в руки огромные вилы.

— Делай, что она приказывает! — хрипло воскликнули они.

— Нет! Нет! — он выл и кричал, но они его не отпускали, поднимали вверх и приложили острые, кривые зубы вил к телу святой,

— Святая требует это! — воскликнул пророк. — Ударь!

Франк изо всех сил старался освободиться, но восемь сильных мужчин держали его с дикой силой фанатиков. И воля той, что была на кресте, сделала железными их мускулы.

Он был ее куклой.

Тогда Джироламо Скуро с силой толкнул его в локоть — и зубья насквозь вошли в тело Терезы...

Проколол мать и дитя!...

Святая крикнула.

Это был единственный дикий, страшный крик.

.

Франка Брауна отпустили... Без чувств свалился он на землю...

* * *

Франк лежал поперек дороги.

Крестьяне подняли его, отнесли в сторону и бросили в заросли.

Он лежал неподвижно... А в его ушах звучал еще последний крик святой... Ее ужасный предсмертный крик...

Наконец он очнулся.

Осторожно, на четвереньках, как подстреленный зверь, Франк Браун пополз в кусты — только подальше отсюда! Так он дополз до небольшого уступа. Дальше идти было некуда: скала круто спускалась в озеро.

Он соскочил вниз. Озеро приняло его; он окунулся глубоко, почти до самого дна.

Но озеро выбросило его на поверхность, словно считая нечистым.

Инстинктивно Франк начал рассекать воду и перерезал все озеро. Он вышел на берег у дома Раймонди... Что ему там делать?

Позорный страх гнал его вперед.

Вдруг в кустах послышался шорох. Со страху Франк упал на колени, закрыл глаза и прижался к земле... Шорох все приближался...

Это была коза, приведенная Анджело.

Франк поднялся с земли, взял животное за ошейник и вышел за ним на шоссе.

Там на чемодане сидел Анджело.

— Автомобиль уже проехал?

— Нет еще, сударь.

Франк был спасен!

Он стал на краю дороги и, держась за орешник, внимательно смотрел на запад. В то время он почувствовал, как что-то ползет у его ног. Это была Сибилла Мадруццо. Старая нищая осталась такой же, какой он ее увидел впервые. Ее спина была искривлена так, что голова с растрепанными седыми волосами едва поднималась над поясом, губы ее что-то беззвучно шептали, и правая рука, протянутая вперед, ждала милостыни.

Франк не решился расспрашивать ее. Дав ей пригоршню серебряных монет, он подозрительно посторонился от нее.

— Уйди! уйди! — прошептал он.

Так, значит, она не исцелилась. Он вспомнил, что, возвратясь из Чимеи, он не встречал ее больше на собраниях мистера Питера. Так краткосрочно было ее счастье!..

Вверху, на Монте-Альмего, зашипел автомобиль; он мчался, как стрела, и был все ближе и ближе.

Шофер затрубил. Но Франк Браун не тронулся с места, так что мотор должен был остановиться.

— Что вы хотите? — спросил шофер недовольным тоном.

— Поехать с вами!

— Я не могу вас взять! Все места заняты, вы видите сами.

Франк Браун вплотную приблизился к нему и схватил его за руку.

— Вы должны взять меня с собой! Если вы не возьмете, я брошусь под колеса.

Шофер посмотрел на него с удивлением. Он увидел, что Франк не шутит.

— Не подвинетесь ли вы немного, сударь, — обратился он к своему соседу.

Качая головой и ворча, тот подвинулся, и Франк Браун примостился рядом с шофером.

Они тронулись в путь...

Франк прибыл в город уже поздно ночью. Но оставаться он там не хотел: всюду ему чудились «охотники на дьявола», пришедшие за ним. Но к поезду, шедшему на север, он уже запоздал. Ближайший отходил лишь утром.

— А разве нет сегодня поездов? — спросил он в кассе.

— Только один скорый, идущий на юг.

— Когда он отходит?

— Сейчас. Через пять минут он будет здесь.

— Куда он идет?

— В Венецию.

Франк Браун вздохнул с облегчением.

— Дайте билет.

Он вошел в спальный вагон, разделся и лег.

— Уснуть! уснуть!

Но уснуть он не мог.

* * *

Было еще очень, очень рано, когда поезд прибыл в Венецию.

Франк Браун сел в гондолу, закрыл глаза и поехал по каналам.

Поднявшись по лестнице гостиницы, он покачнулся и упал. Его подхватил коридорный.

— Вы больны, сударь!

Он привел его в комнату, помог раздеться и принес бутылку вермута. Франк с жадностью выпил три больших стакана, — и повалился на кровать.

Он спал долго и крепко.

Проснувшись, Франк принял холодную ванну, быстро оделся и вышел на улицу.

Он пошел прямо к площади Марка и занял столик в *Cafe Quadri*. — Франк взглянул на собор.

Странная вещь! Сотни раз сидел он на этом месте и знал наизусть каждый камень. А сегодня ему все казалось таким чужим.

Франк опустил голову и пристально начал разглядывать каменную плиту. И неизвестно откуда ветер донес к нему слова:

«Вот ты бежишь, и вечная смерть догоняет тебя... через моря и горы, через глубокие долины и далекие равнины!..»

«Слова святой», — подумал он. Но всякое возбуждение пропало, и он удивлялся тяжелому покою своей души.

«Кто-то тебя позовет...» — прошептал он.

И кто-то назвал его имя.

Он не оглянулся и не удивился: так должно было быть.

— Франк Браун! Франк Браун!...

Он знал хорошо этот голос. Кто это был? Это не был голос святой, но и в этом чужом голосе слышались звуки ее голоса.

Он обернулся к красивой женщине, протягивавшей ему руку.

— Лотта Леви? Лотта Леви? Финикиянка?

— Все еще финикиянка? — рассмеялась она.

— Все еще, — повторил он.

Рыжие волосы, зеленые глаза с черными полосками.

— А ваших родителей нет здесь?

Она кивнула головой.

— Они стоят там, у ювелирного магазина. Я надеюсь, что они купят мне нитку жемчуга, которая мне так понравилась.

И она опять рассмеялась.

— Только молчите, — продолжала она, — я прекрасно знаю, что вы думаете!..

— Папа Леви! — что-то маленькое, кривоногое, надутые губы, толстый нос и умные глаза. Мама Леви! Нет, она пришла бы в ужас! — госпожа коммерции советница Леви, урожденная Людмила фон Кюбек, — подчеркнуто! — Высокая, крепкая, все еще красивая, но глуповатая. А затем — Лотта. Лотта, которую всегда можно встретить в Тиргартене. Верно?

— Да. Верно, — ответил он. — Вам следовало бы воткнуть в волосы белладонну.

Она рассмеялась.

— Или мирт и fleur d'orange. Вот уже три недели, как я помолвлена с одним немецким графом.

— Жаль!

Она близко подошла к нему и посмотрела в упор.

— Мне 25 лет. 25! Кого мне ждать? Или, быть может, выйти замуж за вас?

— Спаси Бог! — рассмеялся он. — Выходите замуж за графа, но не имейте детей... по крайней мере, от него...

Она рассердилась.

— Вы несносны! — воскликнула Лотта.

Он сел и придвинул ей стул.

— Ах, Лотта, вы сами не верите в это!

— Прекрасно. Допустим, я не верю; но вы должны пойти сегодня вечером со мной.

— Куда?

— Куда-нибудь. Я пока сама не знаю. Я поведу вас сама.

— Хорошо. Во всяком случае, если вам приятно слышать — я рад, что встретил вас.

— Вы? — она говорила почти равнодушно. — И я тоже! Я очень скучаю.

Он поцеловал ее руку.

— Это *ваша* рука, Лотта, только *ваша*. Умная и жестокая.

Она громко рассмеялась.

— Не вам бы говорить! Разве есть более грубые и жестокие руки, чем ваши?

Он замолчал. Его губы горько сомкнулись. «Маска!» — подумал он. — «Только жалкая маска!»

Она внимательно взглянула на него.

— Как вы попали сюда в это время? В Берлине сезон начался, вас ждут там. Вы на целых полгода исчезли с лица земли. В какой части света вы были? Что вы там делали?

Он быстро встал. Но ему пришлось ухватиться за край стола. Его лицо побелело; взгляд его смотрел в пустоту.

— Откуда я? Из гор... Что я делал? О... я видел чрево земли.

— И праздновали шабаш сатаны? Сознайтесь, Франк Браун.

Он с трудом покачал головой.

— Быть может, я написал только роман.

Она протянула ему руку.

— Вот мои родители. Сегодня в 9 час. Здесь — и не ставляйте меня ожидать вас.

— All right! — ответил он.

* * *

Была уже четверть десятого, когда он пришел на площадь св. Марка.

Лотта Леви шла ему навстречу.

— Я опоздал! — закричал он. — Но это только предосторожность, а не небрежность. Я не могу ни минуты сегодня оставаться один.

Она дала ему руку.

— Страх?

— Как хотите, — отетил он, пожимая плечами. — Быть может, страх; вчера это было нечто большее.

— А теперь?

Он взял ее под руку.

— Теперь хорошо. Только говорите.

— Благодарю. Итак, я все-таки гожусь на то, чтобы прогнать ваше дурное настроение?

Он слегка пожал ее руку.

— Ах, Лотта! Не будем морочить друг друга. Конечно, это так, как вы думаете. Но разве не какое-нибудь особенное настроение заставляет и вас сегодня ночью ездить со мной по Венеции? Итак, я хочу кое о чем *не* думать — и милостивый Бог прислал мне сюда Лотту Леви, которая умеет, если захочет, поддержать человека, идущего рядом с нею, — это комплимент, моя умная барышня.

Они шли молча, разглядывая толпу.

Вдруг Лотта остановилась перед большой пестрой афишей, изображавшей, как графа Монте-Кристо бросали в мешке в воду.

— Кинематограф! — с радостью воскликнул он. — Пойдемте туда, Лотта? Ах, как я давно не видал кинематографа!

— Как хотите, — сказала она бесконечно равнодушным тоном. И все-таки ему послышалось что-то деланное в этом равнодушии.

Они вошли и заняли ложу.

Они смотрели перелет Блерио через канал, потом гвоздь спектакля — историю графа Монте-Кристо по роману Дюма.

Франк радовался и шалил, как мальчуган.

— Я не знаю изобретателя кинематографа, — шутил он, — но мне он дороже Маркони и Цеппелина, Рентгена и Коха и сотен других!

Кинематограф дает нам возможность видеть все страны: это лучший историк, не знающий заблуждений. Он делает настоящее — прошедшим, а прошедшее — будущим! Разве это не чудесно! Видели ли вы когда-нибудь обратный пробег ленты?

— Представьте себе, что кинематограф сопровождает вас через всю вашу жизнь. Что мы увидим? Вот бывшая

баронесса Кюбек, тогда, о, ужас! — просто Людмила Леви — дарит своему Зигфриду младенца. Его принимают два врача и акушерка. Лотта растет, становится девочкой, потом подростком, потом девушкой, молодой женщиной, пожилой дамой и, наконец, старухой... потом она умирает, ее похоронят — нет, сжигают, не правда ли? Ба, это было бы великолепное, преинтересное зрелище!

Теперь возьмем ленту и заставим Лотту жить в обратном порядке. Пепел превращается в огне в настоящее тело, — старое, сгорбленное, но все же человеческое тело. Мертвая оживает, старуха становится пожилой женщиной; пожилая — молодой и т. д., до момента рождения. И опять стоят умные люди у постели Людмилы Леви. Врач передает только что обмытого ребенка акушерке, купавшей его; ребенок опять грязен, акушерка принимает его... И нет Лотты — словно ее никогда и не было!

Ах, можно ли наглядней демонстрировать, что жизнь только большая ложь?

Лотта взглянула на Франка.

— Вы — милый мальчик! — сказала она, быстро поднявшись и тряхнув головой, словно желая прогнать какую-то мысль. — Пойдемте отсюда.

Они позвали гондольера.

Они сели в гондолу и молча плыли по улицам Венеции.

Мимо них проехала крытая гондола; под черным балдахином, тесно прижавшись друг к другу, сидела парочка.

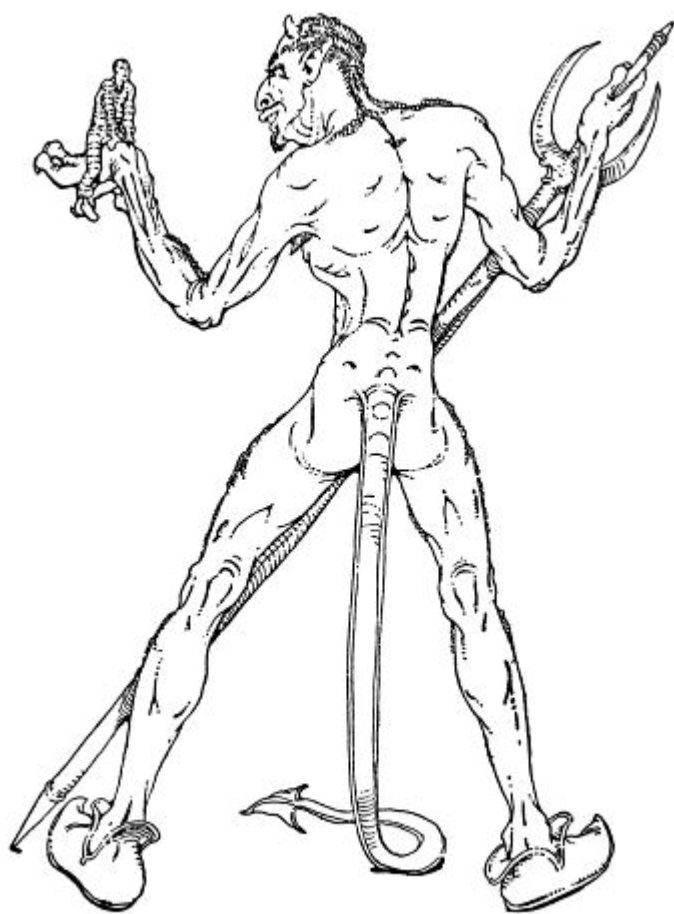
«Новобрачные! — подумал он. — Одна из тех парочек, которая тысячами из года в год приезжает сюда...»

В этот момент он почувствовал ее руку. Она была влажна и холодна, но этот холод обжег его.

— Франк Браун, — сказала она, — я хочу иметь ребенка...

Ее голос дрожал и глаза пылали странным зеленым пламенем.

— От тебя! — прибавила она...

Роман Ганса Гейнца Эверса (1871-1943) «Der Zauberlehrling oder Die Teufelsjäger» («Ученик чародея, или Охотники на дьявола») впервые вышел в свет в 1909 г. Это первая книга трилогии о Франке Брауне — писателе, этнографе, историке и путешествующем философе — в которую вошли также романы «Альрауне» (1911) и «Вампир» (1921).

В то время как Браун считается персонажем автобиографическим и своеобразным alter ego автора, в основу романа положена кровавая трагедия 1823 г., связанная с деятельностью христианской секты «единых братьев» и религиозной манией, охватившей жителей швейцарской деревушки Вильденспух (1823). Источником для автора послужил беллетризированный рассказ о данных событиях в книге И. Шеера «Распятие или мистерия Страстей Господних в Вильденспухе» (1860).

Русская версия романа — анонимный, вольный и значительно сокращенный в сравнении с 500-страничным оригиналом перевод — была опубликована в 1911 в №1-2 петербургского журнала «Новое слово». Несмотря на все свои недостатки, она дает общее представление о романе. Текст публикуется по указанному изданию в новой орфографии, с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей правописания и пунктуации. Иллюстрации взяты из первого английского издания романа (Нью-Йорк, 1927); в целом они представляют собой одну из наиболее удачных графических работ любопытного американского художника и иллюстратора Мэлона Блейна (1894-1969).

Роман «Охотники на дьявола» пользовался гораздо меньшей известностью и успехом, чем центральная книга трилогии Эверса — «Альрауне»; тем не менее, Г. Ф. Лавкрафт относил его к «классике жанра» ужасов. Знаток, исследователь и виднейший библиограф фантастической литературы Э. Ф. Блейлер, в свою очередь, отмечал «замечательную эмоциональность» и «эффективный стиль письма» романа — наряду с такими свойствами Эверса-писателя, как «раздражающая претенциозность, вульгарность и весьма навязчивая и неприятная авторская личность».

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.